

Секция I. Общетеоретические вопросы изучения русского языка

Границы языка и границы культуры

А. К. Авеличев (Alexandre Avelitchev)

Высшая школа международных переводчиков, Монс (Бельгия)

В конце 80-х годов московское издательство «Прогресс» и парижское «Rayot» опубликовали подготовленный ими совместно «Словарь гласности». Речь шла об опыте сопоставления параллельных определений многих основных терминов социально-политической теории, употреблявшихся в ту пору французскими и советскими обществоведами. Несовпадения в содержании одних и тех же, казалось бы, вполне интернациональных терминов были поразительны. Отнюдь не лингвистические, а прежде всего идеологические, социальные, историко-культурные расхождения лишней раз напомнили о том, как часто коммуникация осуществляется без уверенности в том, что собеседники имеют в виду одно и то же и, что, в действительности, они понимают друг друга.

Важнейшей проблемой, традиционно возникающей при подготовке зарубежных студентов-русистов, становится выявление, понимание и освоение ими серьезного *мыслительного зазора*, существующего между миром их родного языка и сторонней для них российской ментальностью. В жестких рамках университетского расписания необходимо попытаться дать студентам определенные навыки самостоятельной навигации по русскому языку, по его надводным и подводным, спрятанным в глубинах российской интертекстуальности смыслам. Задача, как всем известно, непростая.

Проблема отражения в языке *национального духа* каждого народа известна со времен В. фон Гумбольдта, и в теоретическом плане она многократно обогащена последующими открытиями представителей различных школ в лингвистике и в сопредельных дисциплинах. В дидактическом плане, мы все еще далеки от сколь-нибудь удовлетворительного решения. Глобализация многих видов человеческой деятельности и, как следствие, языка традиционных СМИ, развитие мировой Паутины слегка начинают приближать к наднациональному стандарту лексические средства выражения, не затрагивая (до поры до времени) сути национальной самобытности в ее лингвистических и металингвистических измерениях.

Практика подготовки переводчиков для международных организаций, традиционно стоящая на фундаменте жесткого языкового протокола, нуждается в четких и однозначных

ориентирах. Здесь, как нигде более, сохраняет свою актуальность извечный вопрос: что является *достаточным* и *необходимым* при изучении чужого языка будущим переводчиком? Каков объем, каковы контуры и каково конкретное содержание того культурного, трансверсального фонового знания, без которого невозможно стать профессиональным письменным и устным переводчиком?

В 1989 г. в докладе, составленном Пьером Бурдые и Франсуа Гро по заказу французского правительства, осуществлялась попытка нащупать и определить характер и природу трансверсальности, существующей между языками. Авторы доклада вводили основополагающее для преподавания языков дидактическое понятие *l'accès à l'altérité*: **доступа к инаковости**.

«Иностранный язык, отмечалось в докладе, – представляет собой уникальный способ приобщения к инаковости, т. е., к пространству иной культуры».

Авторы доклада рассматривали *инаковость* в качестве отдельного предмета преподавания в процессе изучения иностранных языков. Они призывали обучающихся и обучающихся к тому, чтобы «научиться осмысливать различия».

Многие годы спустя и в совершенно иной прагматической перспективе: облегчить изучение языков, не принося в жертву их культурную специфику, Совет Европы предложил несколько интересных ориентиров, касающихся введения в преподавание значительного объема экстралингвистических знаний, считающихся необходимыми для понимания чужой культуры.

Доступ к миру русского языка и мышления, находящемуся за пределами западноевропейского *«Шенгенского культурного пространства»*, может быть облегчен благодаря рассмотрению ряда его *цивилизационных особенностей*.

В предлагаемом выступлении содержатся некоторые размышления и обобщения приемов и методов подготовки устных и письменных переводчиков русского языка, используемых автором в Ecole d'Interprètes Internationaux (Université Mons-Hainaut, Mons, Belgique) и обсуждавшихся им на методологических семинарах на филологическом факультете Брюссельского Свободного Университета (ULB) в 2004–2005 уч. гг.

Когнитивная семиология: ее истоки и становление в русистике

Н. Ф. Алефиренко

Белгородский государственный университет

Когнитивные структуры, семиология, дискурсивный смысл, знания.

Summary. The search for methodological foundations of the cognitive-semiological paradigm studies grounded on the fundamentals of the cognitive science oriented on the studies of linguistic system's logical ties and relations with the space of discourse. It's subject-matters, goals and categories are being defined.

Двуплановый модус существования языка / речи предполагает рассмотрение *семиологии* в качестве основного принципа когнитивно-дискурсивной парадигмы современной русистики (Э. Бенвенист и И. А. Бодуэн де Куртенэ). Семиологическое измерение языкового знака представляет собой фиксацию в дискурсивном пространстве разных этапов отношения знака к когнитивным структурам. В отечественной русистике основополагающие постулаты семиологического принципа противостоящие генеративному, структурному и традиционно-описательному впервые были сформулированы Ю. С. Степановым и А. А. Уфимцевой. В наше время разработка семиологического подхода была продолжена за рубежом в трудах А.-Ж. Греймаса. Согласно Р. Барту и А.-Ж. Греймасу семиология не должна вытеснять ни одной исследовательской дисциплины, напротив, помогать им

всем, служила своего рода джокером современного знания, подобно тому, как сам знак является джокером всякого курса. Если следовать такому пониманию, то семиология окажется некой **семиотропией**, где знак воспринимается как «вспышка воображаемого». Именно поэтому семиология **не есть герменевтика**. Такой подход оказывается весьма плодотворным при исследовании не прямых значений языковых знаков в дискурсе и семиотропичном тексте, создаваемых воображением. Это повествования, образы, портреты, разного рода экспрессивные образования, идиомы, структуры, обладающие видимостью правдоподобия и в то же время недостоверностью истины. Подобного рода рассуждения звучат для нас несколько витиевато, однако в них содержится глубокий смысл, позволяющий выделить **предмет** когнитивной семиологии в безграничном Семиоти-

ческом Космосе, оставив за его рамками интересы герменевтики, общей семиотики и традиционной семантики.

Семиология изучает знаки комплексно: с точки зрения их (а) **синтактики** – сочетаемости знаков между собой по своим собственным законам, (б) **семантики** – их способности выражать этнокультурно маркированное значение и смысл, (в) **прагматики** – лингвокультурологического интерпретатора. Семиологии, таким образом, органически совмещает в себе важнейшие параметры: стабильность и динамизм. При этом, не отрицая стабильности языковой системы (утратив стабильность, система распадается), декларируется ее *динамический* характер. Единство противоположностей достигается, если перефразировать Ю. С. Степанова, с помощью «челночной процедуры» абстрагирования от дискурса к семантике, а от семантики снова к дискурсу и обратно. Особенно методологически ценным этот подход может оказаться в рамках теории синергетики языка, сознания и культуры, поскольку он отражает идею непрерывности категориального континуума, что выражается в плавном и непрерывном переходе от одной категории к другой. Однако в наше время, когда идеи генеративной и структурной лингвистики подвергаются переосмыслению с позиций интеграционного подхода к явлениям речемыслительной деятельности, возникает необходимость обратиться к семиотическим истокам семиологии, чтобы отделить зерна от плевел: семиологический креатив от структурального догматизма. Этой цели подчиняется изучение **синергетического** взаимодействия когнитивной семиологии с семантикой (ре-

чевой трансформации значений в смыслы), семиотикой (разграничение знаков языка и знаков речи), когнитологией (дискурсивной интерпретацией взаимосвязей речевых знаков и когнитивных структур разных форматов) и лингвопрагматикой (коннотацией речевых актов). Синергетический подход определяет принципы когнитивно-семиологического исследования слова.

1. Собственно семиологический принцип фокусирует внимание на взаимодействии двух типов языкового семиозиса: двукратной репрезентации знаний языковыми единицами (двукратной референции языковых единиц): первичной (семиологической) и вторичной (семантической) объективации. Первичная объективация служит исходной точкой семиозиса, а вторичная – конечным этапом знакообразования.

2. Функциональная взаимосвязь системы языка и системы мышления представляет собой отношение между системой «означаемых» и системой «означающих». Такого рода взаимосвязь не может быть сведена не только к взаимно однозначному соответствию цельных единиц смысла и текста (в силу принципа асимметрии знака), но и к статичному соответствию компонентов единиц того и другого плана.

3. В гносеологическом плане первичное и вторичное означивание можно рассматривать как старый (имеющийся) и новый (приобретенный) опыт. При этом элементарными речемыслительными функциями языка, по Ю. С. Степанову, выступают *номинация*, *предикация* и *локация* на фоне введения понятия «виртуальных» и «актуальных» семиотических структур.

Русский язык на постсоветском пространстве (1991–2006 гг.)

В. М. Алпатов

Институт востоковедения РАН, Москва / Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

События 1991 г. резко изменили языковую ситуацию на территории бывшего СССР. Процессы языкового развития, ранее имевшие в СССР сходные черты, стали идти совершенно по-разному в тех или иных новых независимых государствах, в том числе разной стала роль русского языка.

В России в целом эта роль существенно не изменилась по сравнению с СССР. Русский язык остается единственным общероссийским государственным языком и основным языком межнационального общения. Ни один другой язык не может претендовать на эти роли. В других государствах так или иначе позиции русского языка ослабевают за счет так называемых титульных языков. Однако эти процессы проходят по-разному, что зависит, прежде всего, от таких факторов, как преобладающее мнение титульной нации, ее политическая и культурная ориентация, степень развития титульного языка. Гораздо меньшее значение имеет численность и позиция русскоязычного населения. Можно выделить не менее шести видов языковой политики в данных государствах, определяющих языковую ситуацию (о некоторых государствах мы не имеем достаточной информации).

1. Прибалтийский вариант (близка ситуация в Западной Украине). Языковая политика направлена на ограничение роли русского языка сферой коммуникации внутри русской (в широком смысле) общины. Реально, однако, он продолжает использоваться и в сфере межнационального общения, но по мере смены поколений знание русского языка титульной нацией все более сокращается.

2. Украинский вариант (исключая ее западную часть). Русский язык среди взрослых продолжает преобладать в неофициальных культурных сферах (чтение литературы и пр.), в межнациональном общении, а в значительной степени (прежде всего, в городах) и в бытовой сфере. В то же

время он вытесняется из всех официальных сфер (в восточных и южных областях этот процесс наталкивается на сопротивление не только русского, но и украинского населения) и, что особенно важно, из школьного образования. В отличие от Прибалтики и Западной Украины, не ставится задача немедленного отказа от русского языка и для неофициального общения признается двуязычие, но через школьное обучение русский язык в младшем поколении все более превращается в бытовой язык, на котором пока говорят, но не читают и не пишут.

3. Армянский вариант (по-видимому, характерный для всего Закавказья). В бытовой и официальной сферах господствует титульный язык, но пока широко распространено двуязычие, в культурных сферах и в межнациональном общении роль русского языка остается важной.

4. Узбекский вариант. Близок предыдущему, но знание русского языка и распространение двуязычия заметно ниже. Видно резкое различие языковой ситуации между крупными городами и остальной территорией. В большом городе в неофициальном общении русский язык преобладает, в малых городах и в селах он почти исчез.

5. Казахско-киргизский вариант. Русский язык широко используется не только русскими, но и титульной нацией, и официально закреплен как язык межнационального общения. Языковая политика основана на распространении двуязычия и закреплении титульного языка в официальных сферах, хотя русское население во многом остается одноязычным.

6. Белорусский вариант. Формально имеются два государственных языка, но во всех сферах, включая официальные, русский язык преобладает. Титульный язык вне бытового общения играет более всего символическую роль.

Речевая модель в аспекте теории отражения

Р. К. Боженкова

Курский государственный технический университет

Речевая модель, культурный смысл, лингвокультурное значение, форма отражения, текстовый и внетекстовый уровни

Summary. The report deals with structural and functional peculiarities of speech model in the reflection theory; the components of this model and the aspects of the process are developed.

Если рассматривать язык как компонент сознания мыслящих и общающихся людей, то появляется возможность

осмыслить не только содержание речевой модели, но и ее отражательную форму.

В процессе коммуникации предметная форма речевой мысли реализуется как сигнал адресату и функционально замещает представляемый ею культурный смысл. При этом отражательный фрагмент культуры возникает в сознании обоих коммуникантов, и результат отражения дается познающему сознанию не непосредственно, а в форме текста-репрезентанта, являющегося знаковым посредником между реальностью и культурными мирами общающихся. И хотя текстовая форма культурного смысла не тождественна ни отражаемому фрагменту, ни речевой мысли, но только с ее помощью коммуникант может выявить общее в предмете отражения с другим субъектом и воздействовать желаемым образом на сознание партнера.

В отличие от языкового знака, специфической формы отражения фрагмента культуры, связанного с представленным фрагментом условно, речевая модель отличается структурным и функциональным соответствием этим фрагментам и имеет два уровня: текстовый и внетекстовый. Первый создается отношениями замещения и указания знаковых элементов, входящих в текст, фрагментов культуры и их взаимообусловленностью, а также преобразованиями знаков внутри текста, в результате чего образуется новая информация о сфере культуры. Второй – оперированием самой текстовой информацией, что позволяет восстановить внетекстовую реальность как систему субъект-объектных отношений, связывающих коммуникантов.

Образуясь на пересечении языка, культуры, мышления и коммуникации, речевая модель соотносится с предметной реальностью многосторонне, что в общем плане можно выразить соотношением лингвокультурного значения и речевого смысла. При этом познавательные возможности модели выявляются субъектом, ее конструирующим, а процессуальное начало в образовании речевой модели, указывая на связь смысла с социальным управлением, несет на себе коммуникативный момент.

Помимо того, для речевой модели существенно, что организуемое начало в ее функциональной структуре принадлежит «человеческому фактору» – точке зрения говорящего. Последняя представлена в речевом образовании многообразно, придавая его компонентам ту размерность и перспективу, которая объединяет их для выражения целостного речевого смысла.

Функционально-операциональный план языкового значения образует своего рода группу диспозиций к формированию определенного культурного смысла текста, в рамках которого субъект строит определенную речевую модель. Тем самым, по существу, задается схема будущей речевой мысли, для развертывания которой язык выработал свои типовые семантико-синтаксические структуры как интересующие культурные составляющие, наполняющиеся в процессе коммуникации смысловым содержанием, почерпнутым из культурной ситуации.

Целостный культурный смысл образуется как текстовым, так и внетекстовым компонентами, которые задаются коммуникативными, целевыми, мотивационными и смысловыми условиями речевой ситуации. Более того, в рамках новой речевой целостности происходит переструктурирование не только лингвокультурного значения, но и предметного, мотивационного, целевого содержания сознания коммуниканта.

Главная роль в создании новых речевых моделей принадлежит высказыванию. Его (высказывания) значение и культурный смысл в результативном аспекте эксплицируют семантические конструкторы, продукты взаимодействия вербальной и внеречевой семантики, в процессуальном аспекте – выступают как акты творческого развития языка и сознания.

Таким образом, можно сказать, что в способности речевой модели быть структурно-функциональным отражением реальности и регулятивом культурного поведения субъекта и заключается ее специфика как формы функционального отражения.

Дискурс памяти о человеке. Механизмы воспоминания

Н. Г. Брагина

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, Москва

Память, язык, коннотации, метафора, метонимия

Summary. The material of Russian literary discourse and Russian idioms is used to elucidate mechanisms of remembrance. The basic idea of the presentation is to demonstrate similarities between language and memory.

В докладе на материале русского языка будут рассмотрены механизмы воспоминания, создающие дискурс памяти о человеке.

В основу анализа положена выдвинутая автором гипотеза о том, что память структурирована как язык.

Воспоминание реализуется в системе референциальных отсылок: *место* ⇒ *образ*, *запах* ⇒ *образ*, *звук* ⇒ *образ* и др. Для функционирования памяти базовым является отношение: *вещь* ⇒ *образ другого*. Человек видит вещь, которая «отсылает» к образу другого, *хранящемуся* в памяти. Указывая на нее, мы говорим: *Это память о нем / о ней*.

Памятная вещь, регулярно вызывая воспоминания о ком / чем-л., может служить объектом личных, коллективных, общественных воспоминаний. *Памятная вещь* наделяется особыми (иногда сакральными) ценностными коннотациями, что превращает ее в *реликвию*.

Литературные тексты часто описывают процесс воспоминания. Это позволяет говорить о литературном типе дискурса, эксплицирующем воспоминание. Воспоминание также выражается посредством устойчивых и воспроизводимых лексических единиц (дву- и многокомпонентных).

Анализ литературных текстов, а также понимаемых широко фразеологизмов позволил определить и классифицировать механизмы *воспоминания* по модели *вещь* ⇒ *образ другого*. Они могут быть следующими.

1. Воспоминание на основе **замещения**. Активизируется в случаях, когда вещь воспроизводит внешность / голос (фотография, документальный фильм, портрет).

2. Воспоминание на основе **метонимии**. Вещь напоминает о владельце, дарителе, создателе и др.

3. Воспоминание на основе **синеждохи** Часть вещи, ее деталь напоминает о человеке (*прядь волос*); о целостной вещи и об исторической эпохе (*обломки старины, руины замка*).

4. Воспоминание на основе **ассоциации**. Вещь, включенная в знаковую ситуацию, напоминает о человеке, о чем-то дорогом. Эстетика ассоциаций (припоминаний) необычайно развита в поэзии (*рябина как напоминание о родине для М. Цветаевой*).

5. Воспоминание на основе **метафоры**. *Другой* (не родственник) напоминает кого-л. внешностью, голосом, судьбой и т. д.; *другое* (не копия) напоминает что-л. цветом, формой, размером и т. д.).

6. Воспоминание на основе **опосредованной интерпретации**. Воспоминание апеллирует к тексту / текстам: *кто-л. напоминает библейских пророков; булгаковского профессора Преображенского и т. д.*

7. Воспоминание на основе **сравнения**. Впечатления настоящего имеет аналогию с впечатлениями прошлого, что и служит основой для сопоставления

Ментальные процедуры, с помощью которых осуществляется воспоминание, имеют тропический характер. Создаваемый посредством таких процедур дискурс памяти о человеке, как правило, мифологичен.

Процесс воспоминания может быть подробно описан на основе изучения современных словоупотреблений, и это – одно из направлений исследования когнитивных операций, которое осуществляется путем анализа языковых манифестаций.

Интегральное описание развития системы склонения русского языка с общеславянской точки зрения

В. Брой (W. Breu)

Университет г. Констанц (Германия)

Диахроническая морфология, склонение, сравнение славянских языков, формализация

Summary. In this paper a formalised description of the development of the Russian nominal inflection is presented. It is based on a synchronic theory of the relations between form and meaning with the «grammeme» as its core unit. Every morpheme consists of a cluster of grammemes of the four different inflectional categories case, number, gender and declension. As diachronic examples the animacy opposition in Russian and some case forms in different Slavonic languages will be taken into consideration.

Настоящий доклад посвящен морфологическому описанию флективных языковых систем и формализованному изображению их диахронического развития. Примером служит система окончаний имени существительного в русском языке в сравнении с системами других славянских языков. Главной целью является попытка охватить основные типы изменения отношений между грамматической формой и грамматическим содержанием в диахроническом развитии языка. В этой связи необходимо изложить сперва синхроническую теорию, которая удовлетворяет характеристическим требованиям флективного типа, а именно с ономастиологической и семасиологической точек зрения. В центре внимания стоит основной элемент грамматики, граммема, и ее отношение с морфемой. Определяются четыре грамматические категории, ПАДЕЖ, ЧИСЛО, РОД и СКЛОНЕНИЕ (!), граммемы которых находятся во взаимозависимости относительно их грамматического выражения. Под термином «граммема» разумеется при этом грамматическая единица на плане содержания, способная различать грамматические формы. При помощи так называемых минимальных оппозиций, т. е. грамматических значений, различающихся только парой граммем одной категории – в то время как граммемы трех остальных категорий в этих значениях идентичны – удается определить **оппозиционную силу** этой пары граммем. Она зависит от того, следуют ли из данных различных значений также и различия формы или нейтрализуются ли эти оппозиции на плане выражения.

На основе этой синхронической теории развивается описательная модель диахронического развития, которая позволяет изображать изменения отношений между граммемами и их формами, в том числе и изменение оппозиционной силы. Место любой граммемы в диахроническом правиле, состоящем в нашей модели из **формальной** и **категориальной** части, определяет роль этой граммемы в развитии. При этом граммемы могут быть «активными» («доминантными» или «регрессивными») или «пассивными», что касается с одной стороны их совпадения, а с другой стороны их дифференциации на плане выражения. В обоих случаях выработанная модель позволяет и включение **пропорциональной мотивации** данного развития. Таким образом, теперь возможно описание развития в области флективной системы славянских языков, не только на плане выражения (формы), но и на плане содержания (значения), причем из «активности» каждой определенной пары граммем следует определенный тип развития, который может служить признаком для диахронического сравнения славянских языков.

В заключение подытоживается модель диахронического развития флективной системы путем формализованного изображения развития грамматической оппозиции одушевленности / неодушевленности в русском языке. Кроме того, принимаются во внимание различные типы развития родительного и местного падежей в русском и некоторых других славянских языках, исходя из праславянской системы склонений.

Тенденции к аналитизму в русском языке: современное состояние

Е. А. Брызгунова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Грамматическое значение слова, коммуникативная цель говорящего и пишущего, ограничения возможностей синтаксического аналитизма

1. Среди определений аналитизма выделяются два компонента, характеризующие его сущность. «Аналитизм – это выражение грамматического значения слова вне его пределов» (М. В. Панов, 1968). В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» (1990) и в сборнике статей «Аналитизм в языках различных типов» (Институт языкознания РАН, М., 2006) подчеркивается раздельность выражения лексического и грамматического значения слова. А. И. Смирницкий в своей книге «Древнеанглийский язык» (1998) пишет о развитии аналитизма в английском языке в области морфологии.

Понятия аналитический язык, тенденция к аналитизму, сосуществование аналитических и синтетических форм, как правило, относятся к области морфологии, хотя сам термин «аналитизм» предполагает более широкое значение. Материал русского языка показывает, что признаки аналитизма при выражении лексического и грамматического значения слова применимы также и к выражению коммуникативного типа предложения.

2. Изучение аналитизма в индоевропейских языках, в том числе в русском, имеет глубокую традицию представленную в работах Э. Сепира, А. Мейе, В. В. Виноградова, М. В. Панова, А. А. Поликарпова, М. Я. Гловинской, Е. А. Земской и др. Черты аналитизма в русском языке – это формы общего рода, двувидовые глаголы, неразличение рода в глаголах 3-го лица настоящего времени, аналитические прилагательные, несклоняемые существительные, многие аббревиатуры и др. Отличительной чертой этих форм является их регулярность, вхождение в нормативность русского языка.

3. К концу XX века активизировался процесс смешения падежных флексий в определенных грамматических груп-

пах слов: *на выборов* вм. *на выборах*, *в нашей газеты* вм. *газете*, *поздравляем всех ветеранах*, *победа на брусев* и др. Наиболее полно этот процесс описан в работах М. Я. Гловинской. Смешение падежных флексий расширяется, появляются несвойственные русскому языку сочетания морфем: *стадо моржов*, *поговорим о других мнениев*, *в этих позициев* и др. В подобных случаях просматривается влияние речевых стилизаций: то, что считалось просторечием (*он говорил без падежов*) включилось в современный процесс смешения флексий.

Отличительной чертой смешения падежных флексий является неосознаваемость их со стороны носителей языка. Дело в том, что носители языка не замечают, не осознают таких употреблений словоформ, как: *а теперь поговорим об оппонентов*, *сообщение из Афинов*, а при обсуждении протестуют, не верят, что могли так сказать. Подобные факты неосознаваемого, бессознательного употребления языка известны и обсуждались в работах Э. Бенвениста, Р. Якобсона, А. В. Бондарко, Т. Гамкрелидзе и др.

Процесс смешения падежных флексий заострил вопрос о разной природе ненормативности. Существенно различать ненормативность, идущую от недостаточной культуры речи, и ненормативность, обусловленную действием внутренних законов языка. Эти ненормативности имеют различную природу и перспективу.

Аналитические формы в области морфологии представлены в системе языка как оппозиции и парадигмы, члены которых различаются с помощью предлогов или семантики управляемого слова: *Учусь в МГУ. Окончил МГУ*. На данном этапе развития русского языка в составе предложения соседствуют аналитические и синтетические формы: *Еду в такси по маршруту троллейбуса*.

4. Формы синтаксического аналитизма возникают на основе предложений с полифункциональным лексико-грамматическим составом, который используется говорящим и пишущим для выражения различных коммуникативных целей: сообщение и вопрос, вопрос и оценка, положительное или отрицательное содержание оценки, опасение и несущественность чего-либо и др. Возможность существования полифункционального лексико-грамматического состава предложений обусловлена грамматическим строем языка, такими его особенностями, как необязательность изменения порядка слов в повествовательном и вопросительном предложении, отсутствие или необязательность вспомогательных глаголов или выделительных оборотов и др. Полифункциональный лексико-грамматический состав предложения отличается максимальной функциональной нагруженностью и минимальной избыточностью каждого из средств. Формы синтаксического аналитизма представлены как двучленные и многочленные оппозиции предложений. Используются такие семантические и функциональные свойства интонационно выделенного слова, как:

- способность слова образовывать связи взаимоисключающего противопоставления: *У них есть такие технологии. – У них есть такие технологии?* Или ассоциативно-тематические связи по общему смысловому признаку: *И у них есть такие технологии. – И у них есть такие технологии?* и др.;
- отсутствие оценочной семы в слове при различении положительного или отрицательного содержания оценки: *Ка-*

кой сегодня день? – Какой сегодня день! Удача за удачей! Или: *Сплошные неудачи!*

- глаголы, включающие архисему «нежелательное действие» в сочетании с частицами *ну, ну и: Ну слышит!* – *Ну слышит.* = *Ну слышит.* *Ничего страшного.* и др.

Представленность форм синтаксического аналитизма разнообразна, особенно в диалогической речи.

5. Есть существенные ограничения возможностью синтаксического аналитизма, связанные с необходимостью детализации смыслового и эмоционально-стилистического содержания предложений, в первую очередь повествовательных. Детализация содержит лексико-грамматические показатели какого-либо коммуникативного плана предложения, например, союзы, связочные средства, деепричастные обороты, частицы и др.: *Уже было начало июня, когда князь Андрей, возвращаясь домой, въехал опять в ту березовую рощу, в которой этот старый корявый дуб так странно и памятно поразил его.* (Л. Толстой «Война и мир»). Аналогично: *Так что же он хотел сказать нам? Сравним полифункциональный лексико-грамматический состав предложений: Вот что он хотел нам сказать! – Вот что он хотел нам сказать!* (Разновидности синтаксического аналитизма были показаны автором доклада на II Конгрессе «Русский язык: исторические судьбы и современность». 2004).

Сочетание синтетических и аналитических форм в области синтаксиса характеризуется стабильностью, регулярно и создает оптимальные возможности для речевой коммуникации.

Этнокультурное сознание как проблема варьирования и языковой эволюции родственных языков

Д. Будняк

Свентокшиская академия имени Яна Кохановского, Кельце (Польша)

Этнокультурные стереотипы, языковые средства, оттенки субъективности, языковая лояльность, социальные отношения, коммуникативная функция языка, этнокультурное сознание, межнациональные контакты, психологические факторы

В статье рассматривается ситуация общения, представляющая собой сложный комплекс элементов. Автор статьи обращает внимание на учет обстоятельства, в котором взаимодействие партнеров по коммуникации несет в себе оттенки субъективности. Не менее важную роль в формировании условий протекания речевого акта играют социальные ценности коммуникантов, получившие в лингвистической литературе название «социальных переменных», степень варьирования которых различна. Внимание к проблеме высказываний обусловлено комплексностью данного языкового явления, признанием того факта, что в этнокультурном со-

знании наиболее ярко реализуется коммуникативная функция языка во всем его многообразии, а также стремлением выявить скрытые механизмы и закономерности его протекания.

Говорящий и слушающий делят между собой зоны влияния, определяя время и тональность своего высказывания.

Рассматривая различные социолингвистические составляющие высказываний, автор статьи приходит к выводу, что этнокультурное сознание является не только «продуктом» языка как такового, но и результатом влияния экстралингвистических – социальных и психологических факторов.

О научных основаниях лингвистических исследований

Л. М. Васильев

Башкирский государственный университет, Уфа

Принципы знаковости, формальности, функциональности языка, инвариантности / вариантности, модальности, антропоцентризма

Summary. The report deals with the foundations (the principles) of linguistic investigations. This means the language is understood as functioning in speech acts synchronic-diachronic sign system, as the formal, cognitive and modal sign system addressed to human (to his mind) and society, as the compressed and relatively constant sign system consisting of invariant and variant, prototypical and non-prototypical language units.

К таким основаниям (принципам) можно отнести, видимо, следующие: 1) принцип знаковости; 2) принцип системности; 3) принцип функциональности; 4) принцип формальности; 5) принцип инвариантности / вариантности и прототипичности; 6) принцип единства языка и речи; 7) принцип антропоцентризма и этноцентризма; 8) принцип когнитивности; 9) принцип модальности; 10) принцип историзма; 11) принцип стабильности и динамизма; 12) принцип компрессии, лаконичности. Остановлюсь коротко на сути этих принципов.

Принцип знаковости. Согласно теории, восходящей к Чарльзу Сандерсу Пирсу (а это, на мой взгляд, наиболее

глубокая и последовательная знаковая теория) в языке нет ничего, кроме знаков и их структурных компонентов. Основными свойствами знаков являются 1) их дискретность, т. е. их внутренняя членимость и выделимость как относительно самостоятельных единиц в системе языка, 2) их структурность, т. е. взаимозависимость их структурных компонентов, 3) их информативность, т. е. их функциональная значимость, 4) их социальная ориентированность (значимость) и 5) их репрезентативность, т. е. способность одних знаков представлять другие знаки.

Принцип системности. Знаки языка образуют жесткую открытую систему, состоящую из трех подсистем

(стратумов): фонетической, лексико-грамматической и семантической, связанной между собой функционально-репрезентативными отношениями (корреляциями). Эти подсистемы базируются прежде всего на оппозициях языковых единиц по тем или иным дифференциальным признакам и на нейтрализациях оппозиций в определенных позициях. Важную системообразующую роль играет также нейтральность некоторых единиц к ряду оппозиций в любых позициях, т. е. их диффузность, синкретизм. Вместе с тем – язык это сложная и противоречивая система разнообразных моделей функционирования и развития, включающая и асимметричные факторы. Часто они нарушают стройность и грамматических, и словообразовательных, и лексико-семантических парадигм.

Принцип инвариантности / вариантности и прототипичности. Система языка – это не только система противопоставленных и тождественных в том или ином отношении знаковых единиц. Это вместе с тем система инвариантов и вариантов, образцовых (прототипических) и необразцовых, абстрактных и конкретных единиц. Инварианты (фонемы, морфемы, лексемы, категории, модели) и прототипы как образцовые варианты – это, по сути, дела алгебраическое выражение того содержания (семантического или функционального), которое более конкретно, более образно, т. е. менее формально, выражается в их вариантах. Язык опирается при своем функционировании прежде всего на формальные образцы (фреймы, модели, сценарии и т. д.).

Принцип функциональности. Нельзя ограничивать действие этого принципа только функционированием языка в речи, в синтаксисе, в тексте. Он насквозь пронизывает всю систему самого языка, ибо все его макро- и микросистемы, все его единицы и их составные (структурные) компоненты, все его знаковые и незнаковые, обладают той или иной функцией: репрезентативной, номинативной, дейктической, конструктивной, словообразующей, формообразующей, стили- или жанрообразующей и т. д. При этом один и тот же «квант» плана выражения (одна и та же материальная единица) может быть и словом, и морфемой, и предложением (высказыванием).

Принцип формальности. Как знаковая система язык вместе с тем формален. Иначе он не мог бы выполнять свои многочисленные функции. Еще Вильгельм фон Гумбольдт утверждал, что язык – это только форма и ничего больше. Данный тезис горячо отстаивали Ф. де Соссюр и А. П. Потебня. В наше время в связи с распространением идей когнитивной лингвистики этот постулат не столь популярен. Но от этого он не перестал быть и методологически, и практически важным. Ведь если мы признаем важность в первую очередь абстрактных единиц (категорий) – фонем, морфем, лексем, значений, семантических и понятийных категорий, различных абстрактных моделей и т. д., мы должны, следовательно, признать и первостепенную важность структурной значимости языковых единиц, значимости их внутренней формальной организации и их системных связей, с которыми как раз и связаны их функции.

Принцип единства языка и речи. Этот принцип в наиболее четком виде, вслед за Гумбольдтом, был сформулирован Соссюром. Язык и речь – это две стороны речевой деятельности, взаимно предполагающие друг друга: в языке нет ничего, чего бы не было в речи, а речь не может обойтись без единиц, стандартов, моделей языка. В речи используется много и прецедентных текстов (интертекстов): пословиц, поговорок, афоризмов, цитат и т. п. Поэтому речь, вопреки мнению Соссюра, столь же системна и социальна, как и язык. В речи происходит постоянное взаимодействие синтаксиса и с морфологией, и с лексикой, и с фонетикой. Например, части речи, мертвые формы падежных и других грамматических парадигм превращаются в речи в живые члены и компоненты предложения, лексика и фонетика вносят существенные коррективы в коммуникативные типы высказываний, языковое содержание активно взаимодействует с неязыковым и т. д. Таким образом, речь, по сути дела, – это, как правило, фрагмент языка, преобразованный и актуализованный в соответствии с задачами речевого акта.

Принцип антропоцентризма и этноцентризма. Суть его в социальной и личностной ориентированности языка, в его

социальной (этнической) объективности и личной субъективности. Этот принцип всегда в той или иной мере учитывался крупнейшими теоретиками языка. Но особую его важность подчеркивает современная когнитивная лингвистика. Дело в том, что наибольшая часть основного словарного фонда и чуть ли не все грамматические категории ориентированы на человека – выражают интерпретацию и мотивацию человеком того, о чем он думает и говорит: считает ли он что-то реальным или нереальным, актуальным или неактуальным, мыслит ли он что-либо соотношенным (и как соотношенным) или не соотношенным с моментом речевого акта, расчлененным или не расчлененным на фазы (если речь идет о событиях, действиях и процессах) и т. д. Лексические значения тоже включают интерпретацию человеком отраженного в них содержания: что такое, например, «внутренняя форма слова» или метафоры как не интерпретация обозначаемого? Даже падежные формы различаются часто различной интерпретацией одного и того же объекта (ср. *идти лесом – жить в лесу – заботиться о лесе*).

Принцип когнитивности. Он утвердился в языкознании, особенно в современной когнитивной семантике, в связи с осознанием необходимости изучать языковое (семантическое) содержание (языковую картину мира) в его взаимодействии с неязыковым, в частности с научным, знанием о мире. В этом взаимодействии реализуется не только коммуникативная, но и познавательная функция языка: язык как семиотическая система проецируется на реальную действительность, в результате чего преобразуются старые и создаются новые знаки, способствующие более глубокому пониманию и закреплению в сознании познаваемого.

Принцип модальности. На этом принципе основана не только категория модальности, в частности морфологическое наклонение и модальные слова. На него опирается выделение частей речи и многие способы лексической номинации, в том числе метафорический, метонимический, деривационно-мотивирующий и др. Семантическая специфика частей речи, например, заключается не в том, что они обозначают предметы, признаки, действия и т. д., а в том, как они их обозначают. Оказывается, для понимания сути обозначаемого очень часто важнее знать именно способ обозначения, способ представления обозначаемого в нашем сознании, ибо в способе (модусе) означивания отражаются обычно самые существенные признаки познаваемого. Модус – это намек на тот признак, который мы делаем представителем (знаком, как говорил Потебня) обозначаемого.

Принцип историзма. Этот принцип требует изучения всех языковых фактов с целью понимания их глубинной сущности (а также связанных с их пониманием научных идей) не только в синхронии, но и в диахронии. Его применение весьма полезно при исследовании и изучении (преподавании) не только родного, но и иностранных (неродных) языков, особенно близкородственных. Принцип истобщепризнанным, хорошо апробированным наукой. Его дополняют и углубляют типологический и контрастивный подходы к изучению языков. Тем не менее лингводидактически историзма утвердился, как известно, еще в XIX в. и является сейчас аспекты данного принципа не вполне осмыслены.

Принцип стабильности и динамизма. Он предполагает наличие в языке основных, устойчивых компонентов (основного словарного фонда, основных семантических и грамматических категорий, основных моделей и т. д.) и периферийных, неустойчивых. Основные компоненты изменяются медленно или даже очень медленно, а неосновные – быстро или очень быстро. Таким образом, язык представляет собой систему с устойчивым ядром и быстро изменяющейся периферией.

Принцип компрессии, лаконичности. Иногда его называют также принципом экономии. Суть этого принципа в том, что язык в своем функционировании и развитии стремится к краткости, лаконичности, компрессии. Точнее сказать, говорящие стараются сделать его таковым. В итоге всякие фонетические усечения слов, различные типы аббревиатур, эллипсисы, полисемия, метафорические и метонимические переносы, экспрессивная лексика и фразеология с самыми разнообразными коннотациями, междометия и многое другое.

Этапы категоризации и фазы концептуализации

Л. М. Зайнуллина

Башкирский государственный университет, Уфа

Первичная категоризация, вторичная категоризация, универсальные концепты, фазы концептуализации

Summary. The paper considers the stages of categories- and concept-formation and peculiarities of their verbalization in various languages determined by the diversity and similarity of the world culture.

Необходимость исследования картины мира, отражающей сознание определенного этноса (этносов), неизменно приводит к изучению его концептуальной системы. Язык обеспечивает наиболее эффективный способ описания и определения концепта, т. к. самые важные концепты кодируются именно в языке, что подтверждается существованием в концептосфере различных народов глобальных, универсальных категорий – концептов, таких как, например, *время, пространство, количество, оценка* и других.

Поскольку использование языка есть один из видов целенаправленной деятельности человека, пределы межъязыкового варьирования в конечном итоге обуславливаются особенностями человеческого интеллекта и коммуникации, т. е. когнитивной способности человека. Именно это обстоятельство обеспечивает глубинное единство всех человеческих языков. За тем бесконечным эмпирическим разнообразием, которое регистрирует таксономическая типология, скрывается универсальная природа языка, представимая в виде ограниченного множества лежащих в ее основе принципов. Языки не только удивительным образом отличаются друг от друга – они удивительным образом похожи друг на друга ([4, 43]).

Выделяют концепты универсальные, свойственные человеческому сознанию в целом, концепты, принадлежащие конкретному этносу, и индивидуальные концепты. К наиболее существенным для построения всей концептуальной системы концептам (организующим само концептуальное пространство и выступающим как главные рубрики для его членения) относятся концепты *пространство, время, оценка* и др. Следует отметить, что данные универсальные концепты, являясь общими для разных языков и культур, обладают специфическими характеристиками в каждом конкретном языке и культуре ([3, 79–85]). Важно подчеркнуть, что упорядоченность самой концептуальной системы держится на существовании в ней небольшого числа базовых концептов, которые, постоянно развиваясь и дробясь, оказываются в состоянии лечь в основу массы новых лексических значений и, в то же время, формировать их в отдельные группы наименований ([6, 45–60]).

Важнейшей функцией человеческого сознания, лежащей в основе всей познавательной деятельности человека, является *категоризация*, т. е. классификационная деятельность, в результате которой сходные объекты реального мира объединяются в категории. В ходе лингвокогнитивного исследования следует четко разграничивать следующие звенья триады: объекты реального (или вымышленного) мира – концепты как продукт этих объектов в сознании человека – языковые средства выражения наиболее актуальных концептов. «Ясно, что все без исключения аспекты структуры языка, и, в первую очередь, лексическая семантика, не существуют (а значит, и не могут быть описаны) автономно: они фундаментальным образом зависят от механизмов реальной языковой действительности и от когнитивных структур, которыми пользуется человек» [6, 40].

Этапы категоризации непосредственно связаны с объективацией концептов в языке и формированием семантической структуры репрезентирующего его языкового знака. Не вызывает сомнения, что единицы структуры сознания – концепты и категории – и репрезентированная ими концептуальная картина мира могут стать объектом семантического анализа, лишь приняв языковую форму. В связи с этим, понятия «концепт» и «категория» широко используются при описании семантики языка, при этом доминирующей функцией составляющих структуры сознания (концептов, категорий), по мнению многих ученых, является функция

репрезентации. Концепты и категории представляют мир в голове человека, образуя концептуальную систему, а знаки языка кодируют в вербальной форме содержание этой системы.

В процессе создания сенсорно-перцептивного образа (первичной категоризации) отраженные свойства объектов действительности еще не приобретают статус сем – мельчайших элементов языкового значения, так как сама ментальная презентация такого образа еще не дифференцирована, размыта, синкретична. Важно заметить, что между перцептивными характеристиками объекта устанавливаются многообразные постоянные и переменные связи, объективирующиеся в актуальных и потенциальных смысловых структурах.

Когнитивные процессы первичного уровня индивидуальны, поскольку всякое первичное знание есть результат познавательной деятельности психологического индивида. Когнитивные процессы вторичного уровня индивидуальны лишь в том смысле, что категоризируемое с их помощью знание актуализируется в процессе речевой деятельности индивида, но по своей природе они носят обобщенный характер, так как всякий психологический индивид на этом уровне познавательной деятельности опирается на общий для всех случаев фонд первичных знаний ([5, 15–16]).

Итак, на первом этапе построения концептуальной системы как системы определенных представлений человека о мире, он знакомится с объектами, доступными непосредственному восприятию (первичная категоризация или «знание наблюдателя»). На втором этапе происходит синтез полученного знания на основе эмпирического опыта человека (вторичная категоризация или «знание деятеля») – [5, 14–15]). В процессе практической деятельности человек, с одной стороны, познает мир, с другой стороны, оценивает окружающий мир. В понимании мира «как он есть» всегда мощно вторгается *оценка*, следовательно, происходящее на уровне сознания формирование ментальных репрезентаций и концептуальных структур всегда происходит под влиянием субъективных факторов. *Оценка* является составной частью практического взаимодействия человека и окружающей его действительности, а осознание самого себя, окружающего мира, построение особой картины мира является проявлением когниции. *Оценка* – это результат практической апробации свойств, присущих тем или иным объектам действительности. Она устанавливает, по словам Н. Д. Арутюновой, «соответствие между миром и его идеализированной моделью».

Различные объекты, их многочисленные характеристики, как и происходящие в мире события и обозначающие их слова, могут значительно различаться по их воздействию на человека, у которого создается индивидуальная, субъективная оценка каждого из них, и в зависимости от этой оценки человек также группирует предметы и события в определенные категории. В этом случае и возникает необходимость говорить об оценочной категоризации, которая часто имеет индивидуальный характер и базируется на сходстве воздействия объектов и их характеристик на человека ([2, 10–14]).

Н. Ф. Алефиренко полагает, что термин «концепт» используется для обозначения двух когнитивных сущностей: «с одной стороны, это первоначальное представление, сформулировавшее обобщенный образ и стимулирующее порождение слова (концепт-1 или предметно-образный концепт); а с другой – ключевое слово этнокультуры (концепт-2 или концепт, возникающий в ходе лингвокреативного мышления и представляющий в этноязыковом сознании один из его базовых элементов). Концепт-1 и концепт-2 представ-

ляют две фазы когнитивной деятельности: а) начальную, когда происходит формирование словесного знака в различных модификациях его означаемого и обозначающего, и б) конечную, на которой слово, включенное в определенное этнокультурное пространство, превращается в средство понимания и интерпретации самой культуры» [1, 185–186].

Первичная и вторичная категоризации, являясь функцией мышления, взаимодействуют в познавательном процессе и приводят к формированию концептуальной системы индивида, следовательно, концептуальные структуры характеризуются *двойственностью*, основанной, с одной стороны на перцептивных свойствах объекта, и, с другой стороны, обусловленной социокультурным опытом индивида.

Литература

1. *Алефиренко Н. Ф.* Современные проблемы науки о языке. М., 2005.
2. *Болдырев Н. Н.* Когнитивная семантика. Изд. 3-е, стереот. Тамбов, 2002.
3. *Зайнуллина Л. М.* Лингвокогнитивное исследование адъективной лексики. Уфа, 2003.
4. *Кирик А. Е.* Константы и переменные языка. СПб., 2003.
5. *Кравченко А. В.* Язык и восприятие. Когнитивные аспекты языковой категоризации. 2-е исправл. изд. Иркутск, 2004.
6. *Кубрякова Е. С.* Язык и знание. На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004.

Типологическая мотивированность русского звукового строя

Л. Г. Зубкова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

karelena@inbox.ru

Членение, категоризация, иерархия, лексическое / грамматическое

Summary. Prone to consistent grammatical categorization the Russian language is characterized by a fairly strong differentiation of the lexical and the grammatical and a high degree of articulation (divisibility). The latter, in its turn, determines all the phonetic structure as well as segmental and suprasegmental features of the Russian language. In the environment of content and form, grammar and phonetics being united an overt categorial motivation of a signifier and its connection with a signified in the hierarchic structure of the language sign proves to be the most important result of the consistently carried out grammatical categorization.

Каждая частная система языка, включая звуковую, в идеале должна анализироваться исходя из сущностных свойств языка вообще и из детерминантных особенностей данного языка в его целостности.

К сущностным свойствам языка как формы мысли наряду с символической относятся такие взаимосвязанные свойства, как **членораздельность**, состоящая прежде всего в последовательном членении языкового целого на составляющие все меньшего формата, и **категоризация**, в первую очередь грамматическая. Детерминантные свойства любого языка определяются глубиной иерархического членения языкового целого и степенью разграничения лексического и грамматического. И то и другое задается характером и степенью развития грамматической категоризации, тем, насколько развита в данном языке «внешняя грамматика» (в понимании В. Гумбольдта), насколько разграничены словообразование и словоизменение.

Русский язык характеризуется наличием «*последовательного коррелятивного и альтернативного* – «чистого» словоизменения, наиболее четко противопоставленного словообразованию» [1, 118–119], обязательным употреблением грамматических форм и воспроизводимостью словоформ. Благодаря этому в русском языке имеет место завершённое иерархическое членение языкового целого и достаточно четкое разграничение значащие единицы различных уровней – предложения, слова, морфемы, а также их типы, и, что не менее важно, соотносительные элементы двоякого членения – в содержательной и звуковой сферах – обладают определенной автономностью.

Характерной для синтетических флективно-фузионных языков высокой степенью грамматичности и членораздельности определяются все стороны организации звукового строя в русском языке: вычленяемость и степень автономности фонем по отношению к морфеме вообще и отдельным ее видам в частности, идентификация и классификация фонем, функциональная дифференциация фонем и их аллофонов с точки зрения нагрузки в выражении различных типов языковых значений (лексических и грамматических), орфоэпическая вариативность; разнообразие и подвижность слоговых структур, морфологическая значимость слогоделения; многомерная морфологизация ударения, проявляющаяся в зависимости акцентных свойств компонентов словоизменительной, словообразовательной и морфемной структуры слова от его членораздельности и ступени мотивированности; функционально развитая система интонационных единиц, в различении которых главную роль играет основной просодический компонент – мелодика.

Иерархическая организация языкового целого задает иерархию звуковых средств: фонологических оппозиций,

слоговых структур, акцентных типов. Их функциональное размежевание коррелирует с противоположением лексического / грамматического в семантической сфере. Поскольку в лексике преобладают дизъюнкции, лексические значения в силу своей сложности требуют для своего выражения более сложных звуковых средств, чем грамматические корреляции.

Соответственно лексические значения передаются главным образом согласными и прежде всего их локальными признаками, т. е. генетически первичным дизъюнктивным противоположением по активному действующему органу и месту образования. Гласные, а также генетически самое позднее коррелятивное противоположение согласных по признаку твердости / мягкости в большей мере служат выражению грамматических значений и широко используются в словоизменении.

В знаменательных словах, особенно в собственно-знаменательных, употребляются более сложные слоговые структуры. С падением знаменательности от собственно-знаменательных слов к местоимениям и, далее, к служебным словам падает частота слогов с двумя-тремя согласными и возрастает частота вокальных слогов, не отягощенных согласными.

Акцентологически сильной позицией для реализации противопоставлений *наосновное – флексивное ударение, неподвижное – подвижное ударение* является непроемкая лексика, передающая преимущественно конкретные значения, так что наиболее сложный акцентный тип, каковым является подвижное ударение, характерен в основном для немотивированных непроемких слов, не обремененных словообразовательными значениями. На высоких ступенях словообразовательной мотивации господствует немаркированное постоянное ударение на основе.

В целом русская фонетика несет на себе отчетливую печать грамматической мотивированности (подробнее см.: [2–6]).

В условиях единства содержания и формы, грамматики и фонетики важнейшим следствием последовательно проведенной грамматической категоризации является вполне очевидная в русском языке категориальная мотивированность означающих и их связей с означаемыми в иерархической структуре языковых знаков.

Литература

1. *Бондарко А. В.* Теория морфологических категорий. Л., 1976.
2. *Зубкова Л. Г.* Словесное ударение в характерологическом, конститутивном и парадигматическом аспектах // Вопросы языкознания. 1991. № 3.
3. *Зубкова Л. Г.* Язык как форма. Теория и история языкознания. М., 1999.

4. Зубкова Л. Г. Фонетика и грамматика: к обоснованию грамматической мотивированности русского звукового строя // Теория и практика речевых исследований (АРСО–99). М., 1999.
5. Зубкова Л. Г. Соотношение морфемного и слогового членения слова и функциональная значимость слогаделения в языках раз-

личных типов // Грамматические категории и единицы. Владимир, 2004.

6. Зубкова Л. Г. Орфоэпическая вариативность сквозь призму членораздельности // Вариативность в литературном произношении. Борьба вокруг нормы. М., 2006.

Текст и дискурс: к проблеме разграничения понятий

Т. Н. Кабанова

Челябинский государственный педагогический университет

Текст, дискурс, эпистолярный жанр, фатическая функция, межличностная модальность

Summary. The paper deal with the problem of difference in terms *text* and *discourse* in Modern Russian. The main difference between *discourse* and *text* is implementation of fatic function which reflects the relation addressant – addressat on different levels: syntax, communicative, pragmatic and microstructures. The form of a language (spoken or written) doesn't influence on a status *text* or *discourse*.

Целью данного сообщения является попытка сопоставить понятия *текст* и *дискурс*.

Понятие дискурс связано с анализом языкового отрезка как процесса с учетом участников этого события, их знаний, сложившейся ситуации общения, понятие текста связано с анализом языкового отрезка как продукта, и здесь внимание обращается главным образом на формальные средства связи его частей.

Понятие текст используется в лингвистике для обозначения любого отрывка, любой протяженности, который образует единое целое. В различных теориях это понятие либо охватывает только произведения письменной речи ([Гальперин 1981], [Ожегов и Шведова 1999], [Матвеева 2003]), либо произведения и устной и письменной речи ([Николаева 1990]). Дискурс первоначально употреблялся для обозначения речетворческого процесса, а также, более широко, для обозначения понятия речь. Но в современной лингвистике текст анализируется с учетом коммуникативной ситуации, а дискурс – с учетом формальных средств связи его частей. В таком случае термины становятся взаимозаменяемы.

В коммуникативном акте, который лишен спонтанности и где отсутствует адресат как отдельная языковая личность, текст выступает в качестве результата речетворческого процесса автора (или авторов). Этот текст, как правило, существует в письменной форме и «является результатом познавательного процесса» [Гальперин 1981, 17].

В коммуникативном акте, в котором присутствует адресат, как отдельная языковая личность, текст строится спонтанно, выступает в качестве речевого действия и является дискурсом. Дискурс, как правило, существует в устной форме.

Представляется сомнительным понимание дискурса как реализации письменного текста в устной речи: текст и дискурс имеют разные структуры и неадекватное воплощение, и главное различие терминов, которое определяет структурное своеобразие и влияет на языковой отбор, состоит в том, что в дискурсе нельзя проигнорировать фактор адресата, которым является конкретная языковая личность. Так же, как в высказывании, которое «с самого начала строится с учетом возможных ответных реакций, ради которых оно, в сущности, и создается. Роль других, для которых <оно> строится, исключительно велика» [Бахтин 1986, 466]. В дискурсе «присутствует» адресат с его «ответными реакциями», что подтверждает наше исследование эпистолярных текстов частной переписки, которые являются текстами по форме, но дискурсом по существу.

Материалом исследования послужили опубликованные письма деятелей искусств: академика И. Э. Грабаря (382), художника М. В. Нестерова (590), композитора С. В. Рахманинова (425), певца Ф. И. Шаляпина (156); письма М. П. Чеховой брату А. П. Чехову (173); неопубликованные письма коллекции частной переписки середины XX века, собранной автором. В общей сложности было проанализировано 1926 писем.

Исследование показало, что между формой и содержанием дискурса, с одной стороны, и адресатом, с другой, существует жесткая корреляция: содержательная структура дискурса, его композиция, оформление контактной рамки, лексическое наполнение и синтаксис – все определяется отношением к определенному адресату.

Дискурс создается в процессе общения и отражает на языковом уровне контакт и межличностные отношения между субъектами. Межличностные отношения связаны с реализацией фатической функции и характеризуют межличностную модальность дискурса, которую нельзя свести ни к объективной, ни к субъективной модальности текста. Тип отношений (межличностная модальность, тональность) определяется речевой ситуацией, сохраняется в пределах одного дискурса и влияет на структуру, отбор темы и языковых средств.

Типологические блоки дискурса маркируются контакто-устанавливающими единицами – фатическим маркерами (термин С. В. Андреевой), которые выбираются в зависимости от типа отношений. Тип отношений между коммуникантами является ведущим фактором в определении целевых и содержательных вариантов дискурса. Окончание диалога с неофициальными отношениями не связано с развитием темы и часто обусловлено внешними факторами.

В письмах, как и в неофициальном дискурсе, используют маркеры, сигнализирующие оценку: *посмотри, подумай, понимаешь, представляешь, видишь, смотри* – и коммуникативы.

Как и в дискурсе, в письмах всегда имеется персонализированный адресат, реализуется собственно фатическая речь, которая имеет следующие признаки: тематическую свободу, диалогическую форму, удвоенную временную локацию, ярко выраженный антропоцентризм текста, реализуется только в дискурсе с неофициальным типом отношений.

Следует признать, что и текст и дискурс обладают структурностью, так как структурность – неотъемлемый атрибут всех реально существующих объектов и систем. Именно поэтому категории текста, выделенные И. Р. Гальпериним, – целостность, связность, локально-темпоральная отнесенность, информативность, интеграция, ретроспекция, модальность, членимость, антропоцентричность – проявляются и в дискурсе, но реализуются в дискурсе иначе:

- тема в тексте определяется автором, в дискурсе – ориентирована на адресата, ситуацию;
- завершенность текста определяется логическим развитием темы, дискурса – речевой ситуацией;
- связность текста выражается на логическом, грамматическом, логическом, стилистическом уровнях, в дискурсе – на прагматическом;
- текст имеет заголовок, дискурс – нет;
- текст имеет функциональную направленность, т. е. ориентирован на выполнение заранее намеченной цели, дискурс имеет более сложную прагматическую структуру.

Таким образом, разграничение терминов представляется естественным, если исходить из позиций когнитивной лингвистики: при противопоставлении когнитивной деятельности (дискурса) и ее результата (текста), и отражает жесткую корреляцию адресант – адресат: в дискурсе в обязательном порядке на вербальном уровне реализуется фатическая функция.

Исследование представляет интерес для продуцирования дискурса в Интернете, а также перспективно в плане изучения речевых стратегий порождения межличностного дискурса, как письменного так и устного.

Цепь событий – дискурс – текст

Е. Ф. Киров

ГОУ Московский городской педагогический университет

Текст, дискурс, концепт, время, предложение и его смысл, реальность и вымысел

Summary. In this paper are characterized such units, as discourse, text, concept, sentence and his content, – in connection with objective and virtual reality.

Цепь реальных или виртуальных событий / ситуаций, как правило, не является предметом или объектом изучения в лингвистике, тем не менее, без ее учета трудно построить адекватное описание функционирования языка, поскольку ситуация или цепь событий представляет собой не иное что, как означаемое дискурса. В этой связи перед лингвистикой и философией языка встает терминологическая проблема разграничения понятий смысла предложения и означаемого предложения в рамках текста и / или дискурса.

Для этого следует определить, что такое дискурс и текст и как они соотносятся, а также включить рассмотрение этих объектов в рамки философии языка.

Что касается дискурса, то ему предпослано много определений (см. [Арутюнова 1990], [Ревзина 1999], [Ильин 1975], [Серио 2001] и др.). Так, Н. Д. Арутюнова в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» определяет дискурс следующим образом: «Д. – это речь, “погруженная в жизнь”. Поэтом термин “Д.”, в отличие от термина “текст”, не применяется к древним и др. текстам, связи которых с живой жизнью не восстанавливаются непосредственно» [ЛЭС, 136–137]. Нам представляется, что последнее ограничение может быть снято, поскольку прошлое присутствует в настоящем и определяет настоящее, детерминируя многие события в настоящем и будущем, что в рамках философии со времен Канта является вполне общепринятым.

Итак, опираясь на мнение Мишеля Фуко, высказанное им в работах «Археология знания» и «Порядок дискурса», определим **дискурс** следующим образом: дискурс – это все, что было написано или сказано на том или ином языке в рамках той или иной культуры за всю историю их существования, т. е. это гигантская ткань из высказываний, сопроваждающих и включенных в цепь реальных событий, являющихся их составной частью. Составной единицей дискурса является речевой акт (РА). Цепь РА – это речевое событие, которое в совокупности образует речевую практику.

Следовательно, текст – это не часть дискурса. Дискурс членится на РА, они объединяются в речевые события и практики, которые делают дискурс дискретным. При всей их близости текст и дискурс – не одно и то же. Дискурс – это сама жизнь, состоящая из дискретных событий, требующих языкового оформления. Он имеет начало в темной глубине тысячелетий, когда возник язык и языковая форма коммуникации, развивается до настоящего времени и будет продолжаться в будущем. Текст же – это оформленный (препарированный) по законам жанра фрагмент дискурса, преобразованный в артефакт (произведение). Дискурс является строительным материалом для такого артефакта, как текст. Текст может быть подготовлен или иметь спонтанный характер, он все равно является артефактом. Дискурс является речевым актом, действием с привлечением языка как средства общения. В этой связи мы можем сделать первый вывод о бытийной (онтологической) разнице между текстом и дискурсом: дискурс протекает в реальном времени как цепочка «языковленных» событий, т. е. связан со стрелой времени (это красивая философская метафора, являющаяся в то же самое время и термином). В тексте же время совсем иное, оно имеет таксисную природу, что было открыто Р. О. Якобсоном. Именно это создает принципиальную разницу для этих объектов по отношению к реальному положению дел. Дискурс прямо и непосредственно связан с положением дел в реальности или вымысле. Если мы рассмотрим произошедшее событие отстраненно и отстраненно и выделим все «языковленные» элементы дискурса, т. е. реплики, оформлявшие это событие, то мы тем самым из дискурса выделим **текст**, при этом само это выделение текста из дискурса также будет представлять собой цепь событий, которая будет оформляться предикатами типа «а он сказал...» и под., т. е. деятельность по вычленению текста из дискурса – это тоже дискурс, хотя и вспомогательный, вторичный.

Важнейшей характеристикой дискурса является его принципиальная перформативность. В целом трудно переоценить открытие перформативных глаголов, однако их реальное место в реальной коммуникации сильно преуменьшено, когда к перформативам относят предикаты высказываний типа «Я объявляю вас мужем и женой». Это вполне правильно, но очень неполно. Следует расширить само понятие перформативности, усматривая ее в любом без исключения высказывании дискурса. Так, например, когда произносится какое-либо высказывание, например: «Сегодня на улице плохая погода», т. е. асертивное или любое другое высказывание, то над ним всегда витает имплицитное перформативное высказывание «Я утверждаю, что Р», при этом Р – это и есть пропозиция. А само перформативное высказывание как бы вынесено за скобки.

В тексте мы можем обнаружить внутритекстовое время и прежде всего такую его разновидность, как таксис. Подчеркнем, что текст имеет собственное время, которое принципиально не совпадает с реально текущим событийным временем (со стрелой времени), что и обуславливает принципиальное отличие дискурса от текста. Таким образом, время в дискурсе и тексте принципиально различны, потому что в тексте время релятивно и обратимо, может течь и вспять, что невозможно в реальном бытии. Г. А. Золотова разработала и ввела в науку типологию внутритекстового времени (см. [Золотова 1999]). В этом связи будет уместным напомнить разделение времени онтологического и физического, проведенного А. Бергсоном. Весьма позитивной является также концепция субъективно-психологического времени, разработанная С. А. Аскольдовым.

Итак, высказывание в дискурсе представляет собой не что иное, как речевой акт, и его означаемым оказывается иллюкативная семантика, денотатом же речевого акта можно признать перлокутивный эффект в цепи реальных событий. Таким образом. Дискурс членится на речевые акты. В этой связи в качестве основы для описание дискурса следует принять типологию речевых актов, разработанную Серлем, Дж. Остиным и Дж. Россом и адаптированную для русского языка акад. Н. Д. Арутюновой.

В свою очередь, текст членится на высказывания, которые в изолированном виде представляют собой предложения, имеющее собственное означаемое, которое имеет прямое отношение к предикативности и модальности и получает наименование смысла предложения. Что касается референта (или денотата) предложения, то им следует признать также некое положение дел в мире – реальном или виртуальном (потенциальном мире, согласно философии Яако Хинтикки), которое истинно или ложно. Однако такое положение дел наблюдалось в уже ушедшем времени, если оно реально, а если оно потенциально, то и говорится о нем в ирреальном наклонении или будущем времени. Таким образом, можно говорить о соотношении означаемого предложения и смысла предложения, которые также следует дифференцировать. Примем, что одному означаемому предложения (пропозиции) может соответствовать несколько смыслов (субъектно-предикатных проекций, или контуров актантных мест при субъекте и предикате). Так сказать, над означаемым вьется целый рой смыслов, один из которых и имеет в виду говорящий. Такое положение дел позволяет языку экономным способом передавать большой объем информации, оформляя разные речевые практики (дискурсы) одним и тем же означаемым.

В связи с понятием дискурс и текст находится понятие концепт. Концепт – это врожденная идея, которая по мере накопления жизненного опыта порождает семантические дериваты в виде слов языка (языка общества и индивида), но может выражаться (материализоваться) и виде идиом или комплексных образов (гештальтов). Самая расширенная иллюстрация концепта обнаруживается в сказке, мифе, песне или художественном произведении. Подчеркнем, что

концепты имеют идиоэтнический характер и закрепляются в языке, не всегда совпадая со словом (см. противоположную точку зрения А. Вержбицкой). Именно концепты ложатся в основу первичной лексики языка в онтогенезе и филогенезе, о чем, в частности, свидетельствуют данные онтолингвистики (лингвистики детской речи) (см. работы С. Н. Цейтлин и ее учеников). И именно концепты служат основой для понимания смысла как текущей речи в режиме *on line* (т. е. речевых актов), так и текстов в устной и в письменной форме (отсроченных, «обезвременных» речевых актов, преобразованных в форму текста – бытового или литературного).

Типология дискурсов разработана в русской и мировой науке хорошо, поэтому можно расширять ее и говорить о речевых практиках и создавать их типологию. Специфичны дискурсы в храме, дискурсы заговоров, гаданий и заклина-

ний. В этой связи встает вопрос о цепи событий в художественном тексте – как он соотносится с понятием дискурса? Думается, что следует просто обозначить этот вид дискурса термином «художественный дискурс», подчеркнув тем самым, что цепь виртуальных событий, в которую художественный дискурс вплетается и которую он сам сплетает, не имеет прямой связи с реальностью и реальным течением времени, а представляет собой конструкцию виртуального мира, который существует параллельно с реальным и иногда влияет на него (см. нашу работу «Философия литературы»). Библиография приведена в работе [1].

Литература

1. Киров Е. Ф. Цепь событий и дискурс в философии языка // Вестник Нижегородского университета. Серия Филология. Вып. 1 (3), Н. Новгород, 2001. С. 31–52.

Языковое значение как био-социо-культурный феномен

А. В. Колмогорова

Кузбасская государственная педагогическая академия, Новокузнецк

Языковое значение, речевой смысл, речевое взаимодействие, дискурс

Summary. This paper deals with the problem of linguistic sign meaning as a cognitive structure conditioned by biological, social and cultural factors.

Благодаря развитию в последние несколько десятилетий таких направлений научной мысли, как биофилософия ([Maturana, Varela 1980], [Maturana 1990], [Карпинская 1997], [Лисеев 1997], [Матурана, Варела 2001]), биосемиотика ([Pattee 1982], [Emmeche, Hoffmeyer 1991], [Sharov 1991], [Pask 1992], [Sharov 1992], [Søren 1992], [Rocha 1994], [Hoffmeyer 1997]), синергетика ([Князева 2000], [Малинецкий, Курдюмов, Капица 2003]), в современной эпистемологии происходит перенос области познания из области мифической «объективной реальности» в область познания «человеческой» реальности, рождающейся из взаимодействия воспринимающего субъекта и окружающей его среды.

Иными словами, человек, как автопойезисная система, воспринимающая окружение лишь как возможную причину нарушения внутреннего функционирования и не принимающая во внимание информацию, непригодную для целей системы ([Sharov 1992]), не может взаимодействовать с окружающей средой в ее непосредственной данности. Взаимодействие с объектом-элементом среды осуществляется им через призму образа данного объекта, сложившегося в сознании 1) исходя из опыта доступных нашему аппарату восприятия взаимодействий с ним; 2) исходя из культурной традиции, предписывающей в виде подсознательных установок и стереотипов сознания определенный способ взаимодействия с наиболее важными для данного сообщества объектами. Однако человеческий опыт взаимодействия с объектом неотделим от опыта языкового, поскольку овладение культурной традицией происходит через корпус прецедентных текстов, через повседневную речевую практику. Но главное – языковой знак есть такой же эмпирический

объект, как и любой другой объект окружающей среды: когда человек рождается, знакомится с миром, языковые знаки уже существуют и функционируют в рамках определенных традиций в коммуникативной практике членов определенного сообщества ([Кравченко, 2001]). Таким образом, языковой знак приобретает для человека значение лишь тогда, когда человек устанавливает взаимную причинную связь между языковым знаком (языковой объект А) и некоторым объектом-элементом среды (неязыковой объект В – см. схему знаковой ситуации на рис. 1). Связь эта является опосредованной, и посредником выступает такая структура сознания, как внутренний знак (ВЗ) – функциональная совокупность связанных устойчивой ассоциацией образа объекта (ОВ), состоящего из элементарных репрезентаций (pb) или «следов памяти» об уже имевших место взаимодействиях организма с данным объектом, и образа знака (ОА), состоящего из элементарных репрезентаций (pa) уже имевших место взаимодействий со знаком в речевой практике.

«Опыт» суть ключевое слово предлагаемой нами концепции значения: в социальном и лингвокультурном *опыте* человек усваивает взаимную каузальную связь между некоторым объектом окружающей среды и некоторым языковым знаком, существующую для представителей данного сообщества людей. При этом обе взаимосвязанные сущности не даны человеческому сознанию непосредственно. Их познание происходит через существенно отличающийся от одного национально-лингво-культурного сообщества к другому *опыт* взаимодействий с ними в профаном и сакральном жизненных пространствах (объект) и в речевой практике (знак).

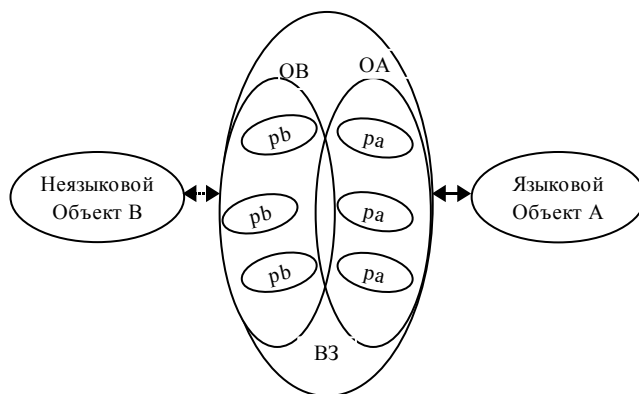

Рис. 1. Схема знаковой ситуации.

Итак, языковое значение, являясь структурой знаний, формирующейся в сознании представителей определенного национально-лингво-культурного сообщества в процессе накопления опыта взаимодействий с элементами знакового

отношения – объектом-элементом среды и языковым знаком, может быть охарактеризовано как **биологический феномен** в силу того, что, во-первых, результаты и характер взаимодействий человека с объектом-элементом среды обу-

словлены возможностями человеческого перцептивного аппарата, а во-вторых, значение как причинная связь объекта и знака позволяет выживать человеку как биологическому организму, поскольку обеспечивает согласованность действий с другими членами сообщества, что, в свою очередь, помогает успешно адаптироваться к изменяющимся условиям среды.

Языковое значение имеет **социальную природу**, поскольку образ объекта, а значит – и способы взаимодействия с ним в жизненной практике индивида, находятся в тесной связи с образом знака, формируемом в коммуникативной практике в рамках социума.

В то же время влияние на образ некоторого объекта-элемента среды, складывающийся в сознании представителей лингво-культурного сообщества, и, следовательно, – на функционирование языкового знака, оказывают доминирующие в рамках сообщества **культурные традиции**, в частности: *религиозные предпочтения; народные верова-*

ния и обряды; господствующие направления философской мысли.

В заключение отметим, что в рамках данной концепции можно сделать вывод о субъективности языкового значения. Субъективность значения обусловлена, в первую очередь, тем, что в процессе вербальной коммуникации не происходит передачи готовых знаний, информации, а используемые языковые знаки не «отсылают» к каким бы то ни было неизменным и раз и навсегда данным сущностям реальности, но языковая коммуникация есть, прежде всего, способ ориентирующего поведения. Языковое ориентирующее поведение лишь предполагает, что ориентируемый организм изменит свое поведение, интерпретируя ориентирующее поведение другого организма исходя из своего собственного опыта (биологического – перцептивного, сенсорного и др. – социального, культурного, языкового).

Теоретические основы работ профессора М. Н. Питерсона по русскому языку

В. А. Кочергина

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

1. Интерес к исследованию русского языка сопровождал всю научную деятельность компаративиста московской лингвистической школы профессора М. Н. Питерсона. Его труды, посвященные русскому языку, представляют собой, во-первых, научное изучение явлений русского языка, его синтаксиса, морфологии, лексики; во-вторых, работы практического характера, посвященные вопросам методики обучения русскому языку, в частности, преподаванию русского языка иностранцам; в-третьих, исследования орфографии русского языка. В докладе будут освещены работы практического характера и работы по орфографии русского языка.

2. К вопросам преподавания русского языка М. Н. Питерсон шел от работ своего учителя, Ф. Ф. Фортунатова. Он ценил творческий поиск в области методики преподавания и высокий научный уровень как основу изложения учебного материала. Методика преподавания русского языка может быть основана только на теории языкознания, каждый преподаватель русского языка должен быть, прежде всего, специалистом-языковедом, считал М. Н. Питерсон. Созданное им пособие «Пособие для преподавателей» ориентировало учителей на союз с наукой и на пробуждение творческой инициативы учащихся при изучении русского языка. В связи с этим М. Н. Питерсон говорил о необходимости отказаться от принципа стабильных учебников.

3. Современным было то новое направление в работах профессора М. Н. Питерсона, которое связано с преподаванием русского языка иностранным учащимся. Как исследователь – теоретик и как знаток вопросов методики обучения русскому языку М. Н. Питерсон берется за составление программ, а затем и учебника русского языка для иностранцев. Первый (в 1938 году) появилась программа для корейской средней школы и так далее, пока в 1947 году не появился обобщающий труд – «Учебник русского языка для нерусских школ».

4. Опираясь на незыблемые для него принципы дидактики – идти от простого к сложному и от знакомого к неизвестному, М. Н. Питерсон вводит еще два принципа:

1) обучение не следует строить на индуктивно-имитативной методике (подражание), оно непременно должно быть познанным;

2) необходима специфика обучения для каждой национальной аудитории.

Эти принципы М. Н. Питерсон впервые реализует в учебнике русского языка для корейцев. Свой опыт преподавания русского языка как иностранного он обобщил в «Программы по русскому языку для нерусской средней школы».

Как преподаватель русского языка для нерусских школ М. Н. Питерсон повел за собой целую плеяду учеников-филологов.

5. Требования М. Н. Питерсона, чтобы теория стояла на службе практики, наука о языке – не службе практического преподавания языка особенно отчетливо проявляется в разработке им вопросов правописания русского языка. «Письменность – это зрительский язык» – писал он. Буквенное письмо обличается от других систем письма простотой употребления, что обусловлено связью с фонетикой данного языка. Однако, «звуковая сторона устной речи постоянно изменяется. Письмо отстает от устной речи... Возникает расхождение между звуковой стороной устной речи и письмом».

6. Итогом многолетних занятий вопросами письменности явилась книга «Система русского правописания» (1955 г.). Ее задача – вскрыть законы, присущие русскому правописанию. М. Н. Питерсон рассматривает множество текстов и получает статистические данные. На их основе делается практический вывод: русское правописание основано на едином принципе – однообразное написание морфологических частей слова. Лишь не многие написание противоречат этому принципу (соотношение 77% к 23%).

Из своеобразия установленной системы русского правописания делаются практические выводы: 1) пиши как произносишь, 2) пиши на основании морфологических соотношений, 3) запомни, как пишется. Система русского правописания предстает в книге М. Н. Питерсона как достаточно простая, в которой все взаимно обусловлено, обосновано и понятно.

Данные, полученные профессором М. Н. Питерсоном, предостерегли в то время многих лингвистов от желания реформировать русское правописание.

Воспроизводимость как лингво-когнитивный феномен

В. В. Красных

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Homo Loquens, лингвокультура, когнитивные основы и основания воспроизводимости

Summary. Homo Loquens can be regarded as both Homo Sapiens and Homo Litteratus, so this phenomenon is believed to be both creator and creation of linguoculture. A unit of the latter is the main unit of analysis and description, and in this case signs of human language serve as “bodies” of signs of culture language. The problem of reproduction of different phenomena of different nature in linguoculture is of utmost importance nowadays. And we believe that both images as such and cognitive image components, as well as general cultural meaning of modals and symbols and canon as such form cognitive basis for reproduction.

Многие исследователи, представляющие различные школы, направления и дисциплины и работающие в рамках

современной научной парадигмы, которая сложилась к началу XXI в., справедливо полагают, что сегодня уже трудно

рассматривать *Homo Loquens* как некоего «идеального говорящего», вне его принадлежности какой-либо культуре, ибо – и с этим мало кто спорит в наши дни – субъект коммуникации всегда есть и субъект языка, и субъект культуры (один из постулатов лингвокультурологии, сформулированных В. Н. Телия еще в 90-е годы прошлого века [Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996]). При этом *Homo Loquens* не перестает быть и представителем «рода человеческого», т. е. *Homo Sapiens*. Однако *Homo Sapiens* входит в человечество, по мысли Н. А. Бердяева (см., например, Бердяев Н. А. О назначении человека. М., 1993. Глава III) не как человек «вообще», но только как «человек национальный», т. е. как *Homo Litteratus* (латинский эквивалент термина «человек культурный / национальный» предложил в процессе личного общения А. И. Солопов). Таким образом, *Homo Loquens* выступает в двух ипостасях: *Homo Sapiens* и *Homo Litteratus*. Подобное понимание феномена *Homo Loquens* предполагает его изучение в связи с лингвокультурой, носителем которой он является и которая, с одной стороны, *Homo Loquens* творит, а с другой – сама творима им.

Если культуру, вслед за В. Н. Телия, понимать в первую очередь как мировоззрение, мироощущение, мироосознание и миропонимание народа (что не исключает материальной составляющей культуры, напротив, «мир материального» и «мир ментального» рассматриваются с точки зрения их взаимодействия, взаимодействия и взаимозависимости), то лингвокультура предстает как культура оязыковленная, овнешненная в знаках языка. Из чего следует, что, говоря о лингвокультуре, мы рассматриваем, вслед за В. Н. Телия, знаки языка (в лингвистическом понимании этого термина) как тела знаков языка культуры. Иначе говоря, изначально имея две самостоятельные семиотические системы, каждая из которых обладает своим собственным «языком» (культура vs. естественный язык человека), мы, вероятно, выходим в пространство третьей семиотической системы, т. е. лингвокультуры. Что касается «культурного пространства», то этот термин охватывает в первую очередь собственно «ментальную» сферу культуры, ибо по сути своей культурное пространство есть форма бытования культуры в сознании ее представителей (подробнее см.: [Гудков Д. Б., Красных В. В. Русское культурное пространство и межкультурная коммуникация // Научные доклады филологического факультета МГУ. М., 1998. Вып. 2, с. 124–133]). Таким образом, культура, лингвокультура и культурное пространство оказываются онтологически связанными; они неслиянны (как неслиянны образы сознания и тела знаков, в которых они овнешняются) и неразрывны (как неразрывны составляющие ментально-лингвального комплекса).

Исходя из вышесказанного, сегодня можно утверждать, что в фокусе внимания ряда современных дисциплин (напр., лингвокультурологии, этнопсихолингвистики) находятся культурное пространство (как феномен ментальный) и линг-

вокультура (как феномен лингво-когнитивный). Одним из актуальных вопросов, стоящих перед исследователями вышеуказанных феноменов, является проблема воспроизводимости: что, как, почему воспроизводится в дискурсе носителей языка и культурного пространства, представителей культуры и лингвокультуры.

Воспроизводимость в данном случае предстает как (потенциально) частотная возобновляемость того или иного феномена в процессе общения (как непосредственного, так и дистанцированного во времени и пространстве). При этом предполагается, что воспроизводиться могут не только устойчивые языковые или дискурсивные единицы (т. е. те единицы, которые, как правило, имеют свои собственные «тела знаков» – фразеологизмы, прецедентные феномены и под.), но и свободные, «знаково нефиксированные» апелляции к фиксированным в сознании образно-смысловым структурам.

Сегодня воспроизводимость весьма успешно изучается представителями лингвокультурологии, которые в центр внимания ставят не только сами воспроизводимые единицы языка и дискурса, но и те знаки языка культуры, «телами» которых данные единицы служат, те смыслы, которые за ними стоят (см. работы В. Н. Телия и представителей ее школы). Иначе говоря, единицей анализа и описания является единица лингвокультуры, означением которой выступает тело знака естественного языка или дискурса, означаемым – знак языка культуры.

Лингво-когнитивный / психолингвистический подход позволяет предположить, что когнитивной основой воспроизводимости может быть признан образ, под которым в данном случае понимается эмоционально-смысловая свертка «ментальной картинки», так или иначе соотносимой с информацией, поступающей по одному или нескольким сенсорным каналам.

Проводимое в настоящее время исследование позволяет (пока гипотетически) предположить, что обеспечивать и провоцировать воспроизводимость могут как собственно образы, так и когнитивные образные составляющие – совокупности необходимо обязательных дифференциальных признаков, отличающих один феномен от других, в том числе – от подобных ему (т. е. то, что в ряде случаев выполняет функцию образного основания метафор). Помимо этого, когнитивным основанием воспроизводимости – на «метаярвене» – могут являться содержательный смысл эталонов и символов, а также канон (представляющий одновременно и как норма, и как совокупное представление о ней, существующее в сознании *Homo Loquens*; позволяющий тиражирование и, следовательно, существование «однотипных» феноменов, но допускающий и творчество, определенную самостоятельность, хотя и в заданных рамках, что предполагает возможность некоторых трансформаций при «созидании» по канону).

К проблеме метода исследования в когнитивной функциональной лингвистике Е. М. Лазуткина

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва

Пропозитивная, категориальная лексическая и грамматическая семантика.

Summary. The given report stresses the importance of investigate the pragmatic factors and grammatical parameters in utterance. Knowledge can exist in forms, which consist from forms of different nature.

1. Современная лингвистическая наука исходит из главных функций языка – способа организации знаний о мире и инструмента эффективного общения. Тезис Э. Бенвениста «Человек не был создан дважды: один раз без языка, другой раз – с языком» и замечание У. Куайна об изначально межличностном характере языка сейчас актуальны в связи с проблематикой главных направлений в языкознании. Так, центральной темой когнитивной лингвистики является изучение способов представления знаний говорящими, «жизни» концептов разного типа в языке и обнаружение специфических черт языковой картины мира, а центральной темой функциональной лингвистики – изучение семантико-

синтаксической организации высказывания как фрагмента дискурса, морфосинтаксических корреляций в парадигматике предложений, выявление коммуникативной синонимии. Сближение теоретических постулатов функциональной и когнитивной лингвистики очевидно. В сфере грамматических исследований интересы этих научных направлений совпадают, что позволяет говорить о когнитивной функциональной грамматике.

2. Метод исследования определяют такие составляющие: выбор элементарной единицы анализа, толкование терминов «значение», «форма», «смысл высказывания», использование определенных приемов анализа. В данной теории

элементарная единица исследования – высказывание в естественном окружении, которое рассматривается как способ выражения интенции говорящего: реплика в диалоге, элемент дискурсивной канвы.

Алгоритм исследования позволяет назвать метод гипотетико-индуктивным. Центральным понятием в современной когнитивной функциональной лингвистике является концепт. Концепт мы определяем как элементарную единицу знания о мире, находящую свое выражение в языке. Концепты существуют в виде категориально-семантических разрядов разной степени абстрактности; они могут быть представлены в языке в эксплицитном и имплицитном виде, то есть являться **скрытыми**. Может оказаться, что более абстрактное понятие – Basic-level concept является скрытым концептом, действие которого обнаруживается на уровне синтаксической парадигматики, так как синтаксические отношения также принадлежат ментальному миру, являясь когнитивными феноменами. Вследствие этого выявление иерархических отношений концептов лежит в сфере семантико-синтаксического анализа. При этом особое внимание обращается на предикативные отношения, специфические для рассматриваемой пропозитивной семантики действительские координаты, тип актуального членения. Важны такие понятия, как «синтаксическая позиция» и «значение словоформы». Модели предложений сложились как когнитивные фреймы и коммуникативные стереотипы. Вследствие этого, они предполагают специфические категориальные качества словоформ в определенных синтаксических позициях и таят в себе указания на актуальные в каждом конкретном случае прагматические параметры речевых ситуаций, выявляют точку зрения говорящего.

Рабочими приемами являются: проекция координат первичного дейксиса; метод варьирования одной из грамматических характеристик при фиксации остальных. Таким образом, вне зависимости от выбора «точки внедрения» в отношения «грамматическая форма» – «значение» – «функция в высказывании» – «смысл высказывания», лингвист преследует цель установить категориальный статус той или иной лексической или грамматической единицы.

3. Изучение синтаксического поведения глаголов определенного синтагматического класса, определение категориальной семантики именных словоформ в диатезных корреляциях, выявляет прототипическую синтаксическую конструкцию, определяет категориальный семантический разряд (концептуальную сущность) именных словоформ, исчисляет эти лексемы. Так, например, для каузативных глаголов синтагматического класса «глаголы локально направленного действия» прототипичной является синтаксическая конструкция с тремя именными словоформами: *Мы окружили дом сиренью*. Для некаузативных глаголов прототипической является модель с двумя именными словоформами: *Дети окружили учительницу*. В качестве канони-

ческой грамматической формы для некоторых глаголов выступает форма причастий прошедшего времени страдательного залога. Она обозначает результирующие состояния и квантификативную характеристику. Это объясняет встречаемость некоторых глаголов только в данной форме, объясняет их частотность в составе безличных конструкций; напр.: *Занятый, прихваченный, прохваченный, пропитанный, напоенный, усеянный, испещренный, схваченный, усеянный, усыпанный; Оденься – прохватит; Оглушенное небо было сплосью пропитано их / взрывов и выстрелов / колебаньем*.

Выявленные в субъектной позиции и в позиции творительного итоговой смежности именные словоформы, соответствующие концепту «субстанция, способная к самостоятельному перемещению», могут быть предметом специального исследования. Их можно классифицировать по степени употребительности, по степени соответствия базовому концепту; анализировать по принципу поля.

4. Решение прямо противоположной задачи – определить динамику концепта, представленного в языке рядом лексем, – приводит исследователя к существующей в языке когнитивной метафоре; показывает синтаксические модели, в которых «живет» концепт. Так, например, лексемы, выражающие концепт «свет», встречаются в глагольных предложениях, в которых занимают субъектную позицию (и) или адъектную позицию – позицию словоформы в творительном падеже. Предложения организуются глаголами движения, глаголами локально направленного действия (глаголы полноты охвата), глаголами конкретного физического действия, экзистенции; например: *Лунный свет обволакивал; [Женщина увела шторы вверх], и в комнату хлынуло солнце; то Вечерние тени играли свою игру* (М. Булгаков).

«Свет льется» – предикация со следами стертой образности – нередко соединяется с метонимическими переносами (*солнце – свет солнца*), с модификацией глагольного значения. Особенно частотны результирующие и стативные конструкции; например: *Стена фабрик, стекла окон, Грязно-рыжее пальто, Развевающийся локон – Все закатом залито* (А. Блок); *Пропитанная солнцем березовая листва поражала взгляд прозрачностью* (В. Набоков); *Свет без удержу поливал молодые заросли* (К. Федин); *Шелест красной ветки клена, поздним солнцем залитой* (И. Снегова).

Следующий этап анализа: сопоставление синтаксического поведения концепта «свет» и его функций дает возможность определить семиотическую функцию концепта, а именно: создание символической модели. Ср.: – *А что же вы не берете его [Мастера] к себе, в свет? – Он не заслужил света, он заслужил покой, – печальным голосом проговорил Левий* (М. Булгаков).

4. Вывод. Язык заставляет исследователя рассматривать грамматические формы как постоянно изменяющиеся динамические сущности, формы, состоящие из форм.

Инвариантная функция как альтернатива инвариантному значению

С. А. Лугин

Московский авиационный институт

Инвариантное значение, инвариантная функция, падеж

Summary. The paper is dedicated to one of the «eternal» linguistic problems; that of invariance in different grammatical categories. The author proposes to replace the standard search of invariant meanings by that of invariant functions.

К настоящему времени большинство лингвистов склонилось к мысли о том, что поиск инвариантных значений грамматических категорий следует признать тупиковой ветвью развития научной мысли в целом и лингвистической, в частности. Даже те, кто не отвергает инвариантность в принципе, как правило, «смягчают» требования к самому этому термину, вводя такие понятия как *относительная (ограниченная) инвариантность* (А. В. Бондарко), *слабый инвариант* (Н. В. Перцов) и т. п.

На наш взгляд, впечатление о тупиковости инвариантного подхода возникло из-за того, что инвариант, хотя и понимаемый как некоторое «над-значение» и обобщение, продолжают искать на том же языковом уровне, на котором находятся и сами частные значения. Другими словами, и отдельные значения, и их инварианты оказываются понятия-

ми, принадлежащими одной плоскости, тогда как обобщить и найти какое бы то ни было «над» можно лишь в отвлечении от частных, т. е. поднявшись на другой, более высокий уровень абстракции. Так, можно часами гадать, что общего между резиновой прокладкой, кран-буксой и маховиком, сопоставляя диаметр отверстий, шаг резьбы, материал и т. д., но так никогда и не понять этого, если не догадаться, что объединяет эти столь сильно отличающиеся друг от друга предметы общая функция – надежно перекрывать воду, будучи собранными в единое целое – кран для воды.

На наш взгляд, не менее бесперспективно искать, к примеру, общую сему в значениях места, времени, пространства или орудия у творительного падежа; в локативном, темпоральном или делиберативном значениях предложного падежа; в удалительном, достигательном, пар-

титивном и посессивном значениях родительного падежа и т. п., поскольку поиски инварианта в той же самой плоскости – плоскости семантики, на том же уровне абстракции методологически обречены на провал. Вопрос, на который мы действительно должны попытаться ответить, на наш взгляд, таков: что заставляет носителей языка в столь различных ситуациях, при передаче столь различных грамматических значений использовать одну и ту же падежную форму, и причем именно эту, а не другую? Мы предлагаем, не отказываясь от поиска инвариантов вообще, перенести этот поиск из семантической сферы в функциональную, т. е. на более высокий уровень абстракции, который только и позволит нам увидеть каждый элемент грамматической категории как часть, функционирующую в рамках целого, как подсистему системы более высокого яруса.

Под *функцией элемента* как подсистемы в системе более высокого яруса мы будем понимать его **предназначение** в этой системе. При таком понимании функция оказывается понятием двусторонним.

Одной своей стороной функция элемента как *целостной части системы* обращена «вовне» – к самой этой системе: предназначение, или функция, элемента в системе предопределяется, задается функциональным запросом, потребностью системы в поддержании определенных ее свойств (именно на это указывает приставка – **предназначение**).

Другая сторона функции элемента, теперь уже как *сложного составного объекта*, обращена «внутри» той подсистемы, которой он и является сам по себе. В этом смысле функция определяет, задает состав, свойства и структуру связей «элементов элемента». Другими словами, все элементы подсистемы во всем их многообразии объединяются самой этой функцией, в ее рамках и ради ее реализации.

Проиллюстрируем наше понимание термина *функция* на примере русской падежной системы. Известное стремление носителей русского языка описать любую ситуацию как развивающееся событие приводит к необходимости максимально точно расписать роли участников этого события в его развитии. Именно в ответ на этот функциональный запрос во флективных языках номинативного строя начинают развиваться **падежи** – языковое средство, позволяющее максимально точно передать представление говорящего о **ролях** участников в описываемом событии путем соответствующего маркирования их языковых знаков. Понятно, что первым в этом случае должен был появиться падеж, с помощью которого оказывается возможным указать на главного участника события – его генератора, т. е. на тот актанта, который является источником этого события, с точки зрения говорящего. Таким падежом в номинативных языках и становится именительный падеж. При этом семантическая роль актанта оказывается совершенно несущественной для языка при маркировании соответствующего языкового знака номинативом: является ли актанта агентом (*Мальчик прочитал книгу*), пациентом (*Мальчик устал*), бенефициантом (*Мальчик получил книгу*) или ему присуща другая семантическая роль, он все равно маркируется в данных высказываниях именительным падежом, т. к. для языка важно только то, что названные события (*чтение / падение / получение*) генерируются соответствующими актантами,

на что и указывает именительный падеж. Если же такие события, как например, *чтение* или *получение (книги)* будут происходить, по мнению говорящего, в связи с *книгой* и вокруг *книги* (т. е. это будут предложения из текста не о мальчике, а о книге), то говорящий соответствующим образом маркирует уже слово *книга*: *Книга прочитана / получена мальчиком*, представив (изобразив) книгу в качестве генератора события.

Таким образом, в ответ на функциональный запрос («извне») об указании на роли участников в событии (т. е. направленность функции «вовне») развивается исходная инвариантная функция первого из падежей – номинатива: в сообщении номинатив маркирует языковой знак того участника события, который, по мнению говорящего (пишущего) является генератором описываемого события. Говоря коротко, можно сказать, что *исходная инвариантная функция номинатива* – указание на генератора события. Именно эта функция объединяла (направленность «внутри») все многообразие употреблений (варианты) номинатива на начальном этапе становления падежной системы. По мере развития русского языка, в особенности письменной речи, появляются новые типы употреблений именительного падежа, которые, после их закрепления в языке, становятся его грамматическими значениями: именительный темы (*Москва!*.. Как много в этом звуке для сердца русского слилось...), именительный наименования (в заголовках и вывесках; в качестве предиката идентифицирующей модели (Г. А. Золотова): *Это – орфографический словарь* и т. п.); в разговорной речи – именительный представления (*Отец... его нет дома*) и некот. др. Все эти грамматические значения «не вписывались» в исходную функцию номинатива хотя бы потому, что вообще не генерировали никакого события в рамках предложений, в состав которых входили: номинатив развил способность к самостоятельному употреблению. Из этого следует, что исходная функция номинатива претерпела изменения по ходу развития языка и теперь может быть сформулирована так: **существительное, хранясь в памяти в ИП или реализуясь в этой форме в речи, ассоциируется у всех носителей языка с готовностью генерировать узуально закрепленный круг событий, определяемый лексической семантикой данного слова**. Другими словами, в реальном акте коммуникации употребление говорящим существительного в ИП указывает слушающему на то, что далее может быть генерировано некоторое событие в рамках лексической семантики данного слова. Если слово в ИП оказывается в итоге внутри предложения, то это значит, что готовность генерировать событие реализовалась в рамках данного предложения. Если слово в ИП употреблено в значении именительного представления, или именительного темы, или в качестве предиката, то это значит, что *далее* (в последующем контексте) будут названы события, происходящие вокруг него и в связи с ним: во всех перечисленных случаях последующий контекст оказывается посвященным предшествовавшему слову в именительном падеже, т. е. генерируется им. Такова текущая инвариантная функция именительного падежа. В целом же нас тезис таков: **разнообразие грамматических значений ради и в рамках выполнения инвариантной функции**.

Русский язык и русистика сегодня

А. М. Молдован

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва

Ценность русистики как науки зависит от того, насколько она соответствует потребностям познавательного процесса, насколько перспективны ее начинания и насколько успешно они отвечают на вызовы времени – внешние и внутренние.

Внешние вызовы связаны с «социальным заказом», который определяется потребностью общества в разработке ресурсов языка, приспособляющей его к новым наборам коммуникативных заданий и, в частности, в нормализации языка как средства общения. Речь идет прежде всего об оценке речевых инноваций с точки зрения их нормативности и кодификации норм литературного языка в нормативных словарях, грамматиках, справочниках по культуре речи. Общество давно определило эту задачу в качестве профес-

сиональной обязанности лингвистов (во многих странах, в том числе в России, с этой целью были созданы национальные академии). Для ее решения с позиций преемственности и стабилизации норм обычно осуществляется планомерное изучение исторического развития языка, его диалектной, социальной и иной дифференциации. Таким образом деятельность в области языковой нормализации опирается на всю совокупность лингвистических источников, благодаря чему принимаемые решения получают документальные основания. Подобным образом организована работа с языком во всех странах мира.

Социально-политические, экономические и культурные перемены в России последних лет заметным образом отразились в языке, в характере речевой деятельности. Диверси-

фикация форм социальной жизни и сопутствующая ей активизация языковых процессов изменили устройство социальных и функциональных регистров языка, существенным образом затронули риторические стратегии публичной и бытовой речи. Под влиянием социально-политических факторов изменились взаимоотношения литературного языка с другими формами русского языка, прежде всего просторечием и жаргонами. Снижение престижа литературного языка релятивизирует его нормативные установки. Выявление, описание и анализ этих процессов являются одной из актуальных задач современной русистики. Экспертные суждения лингвистов о функциональном устройстве современного русского языка имеют важное, а в ряде случаев решающее значение для осмысления социальных проблем.

Способность лингвистики использовать естественнонаучную методологию поиска решительно эмансипировала ее от традиционной филологии и обусловила ряд междисциплинарных задач. К лингвистике обратились за помощью специалисты из самых разных областей знания. Особенно востребована она в связи с развитием компьютерных технологий: для решения проблем искусственного интеллекта и общения с компьютером на естественном языке, создания моделей машинного перевода, разнообразных поисковых систем и многих других информационных задач. В рамках когнитивных исследований происходит плодотворное взаимодействие лингвистики и психологии.

Вызовы внутреннего порядка ставят перед русистикой проблематика языка как носителя национальной культуры. Язык представляет собой не только важнейшее культурное достояние народа, но и средоточие его коллективной памяти, отражающее, сохраняющее и генерирующее его особую картину мира. Исследование русского языка в историко-культурной ретроспективе предполагает его подробное лексикографическое описание, собирание и изучение словарного запаса языка в его стилистическом, диалектном и историческом разнообразии. Эта работа дает возможность проникнуть через историю языка в историю народа, понять механизмы развития национальной культуры.

Внешние и внутренние стимулы взаимосвязаны: работа в области нормализации и информатизации не может абстрагироваться от культурных истоков языка, поскольку современный русский язык состоит из строительных элементов, соединяющих последовательные хронологические срезы в его историческом развитии. С другой стороны, развитие теоретических знаний об устройстве и функционировании современного русского языка обеспечивает прогресс в изучении его истории. Сегодня при исследовании истории русского языка ставятся принципиально новые семантические и синтаксические задачи, не формулировавшиеся еще несколько десятилетий назад.

Современная русистика существенно продвинулась в обоих направлениях. Быстро развивается и делает заметные успехи отечественная социолингвистика. Огромный прорыв совершен в области исторической и диалектной лексикографии созданием многотомных исторических, этимологических и целого ряда диалектных словарей и атласов русского языка. Высокий уровень теоретических обобщений достигнут в изучении древнерусских письменных памятников, в особенности новгородских берестяных грамот. Идеи отечественной школы лексической семантики получили всемирное признание. На их основе создан беспрецедентный в мировой лингвистике объяснительный словарь русских синонимов и сейчас идет работа над интегральным словарем русского языка. По теоретическому уровню русистика находится на одном из первых мест в мировой лингвистике, а по некоторым направлениям – на первом месте.

Лингвистическая работа сегодня предполагает не только более высокие требования к постановке задачи и выбору научной методологии, но и решение задач на исчерпывающем материале. Поистине революционизирует эту работу использование разнообразных информационных источников и компьютерных корпусов текстов, прежде всего Национального корпуса русского языка, с появлением которого мы впервые получили материальную базу для объективных и достоверных суждений о современном состоянии и путях развития русского языка.

Национальный корпус русского языка: новые перспективы русистики

А. М. Молдован, В. А. Плунгян, Д. В. Сичинава

Институт русского языка РАН, Институт языкознания РАН, Всероссийский институт научной и технической информации РАН

Корпусная лингвистика, русистика, морфология, лексическая семантика, лексикография

Summary. The paper discusses some opportunities afforded by the Russian National Corpus (RNC) for development of studies in Russian language. The RNC, inaugurated in 2004, contains as for 2006 more than 120 million word forms. It is searchable by morphological and lexico-semantic tokens. The Corpus has a large range of possible applications in Russian language studies, including synchronical and diachronical study of words, grammemes and constructions, use in teaching, constructing tasks for students. It is to be expanded further to include sub-corpora containing poetic and dialect texts.

Доклад демонстрирует возможности последней версии Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru) для решения задач русистики на новом этапе развития.

Национальный корпус русского языка – это крупный проект РАН (головная организация – ИРЯ РАН), направленный на внедрение новых технологий в исследование русского языка с точки зрения его реальных манифестаций – письменных и устных – в синхронном и диахроническом аспекте.

Корпус – это информационно-поисковая система, созданная для получения данных по запросу, сформированному пользователем, на базе текстов, снабженных специальной информацией (так называемой разметкой).

В настоящее время объем текстов достигает 120 миллионов словоупотреблений. Большинство этих текстов хронологически относится ко второй половине XX – началу XXI века, но представлены также и все предшествующие периоды современного русского языка – с середины XVIII в. по середину XX. Существенно и то, что в каждом из этих периодов материал не ограничивается художественными текстами (обычно традиционно используемыми как источник лингвистического примера), но охватывают широкий жанровый спектр от деловых документов до научной прозы, от публицистики до записей устной речи (для второй половины XX в. собран подкорпус устной публичной и спонтанной речи в несколько млн. словоупотреблений).

Тексты снабжены морфологической (с указанием словарной формы слова и его грамматических значений) и лекси-

ко-семантической (с указанием семантических компонент лексического значения) разметкой. В значительной части корпуса (5 миллионов словоупотреблений) морфологическая неоднозначность разрешена вручную, эти тексты также проакцентуированы. В ближайшей перспективе автоматическое при помощи статистической программы разрешение морфологической омонимии на всем корпусе, а также различные алгоритмы разрешения семантической омонимии.

В докладе обсуждаются типы задач, которые может решать русист-исследователь и русист-преподаватель, опираясь на возможности корпуса – задачи составления и обновления словарей (слово *мрачный* в словарях имеет первое значение 'темный' от *мрак*, ср. *мрачное подземелье*, но синхронно это прямое значение практически утрачено: **меня поселили в мрачной комнате – мне нужна настольная лампа*, **мы встретимся в красивой мрачной аллее*, при том что в текстах, например, Чехова подобные контексты представлены), мониторинг употребительности грамматических форм (например, история употребительности побудительной формы на *-те*, имеющей в Корпусе специфическую помету «второй императив»), анализ сочетаемости различных лексем и проблемы фразеологии (например, частотность сочетания в современных текстах различных глаголов с лексемой *навык*: *приобретать / получать навыки / овладеть навыками*), пограничные явления (например, сочетаемость наречия *гораздо* с формой «*по* + сравнительная степень» – также получающей особую помету в Корпусе –

конструкция типа *гораздо сильнее* в XIX веке была вполне продуктивна, а во второй половине XX в. практически неприемлема, что может говорить об эволюции семантической нагрузки формы *no...ee*).

Национальный корпус русского языка полезен в целях преподавания русского языка как русскоязычному школьнику и студенту, так и людям, для которых русский язык не родной. Существующие пособия включают в себя большое количество искусственных примеров и достаточно экзотических типов контекстов, в то время как на материале Кор-

пуса, оснащенного лексическим и грамматическим поиском, можно легко получить актуальный материал для подготовки заданий и упражнений на самые разные темы – от орфографии до стилистики.

В докладе также обсуждаются конкретные перспективы развития корпуса, в частности, разработка новых подкорпусов – диалектных и поэтических текстов, дальнейшее уточнение и автоматизация морфологической и семантической разметки, уменьшение неоднозначности и тем самым «шума» в поиске и другие направления.

К классификации коммуникативных неудач

А. Мустайоки (Mustajoki)

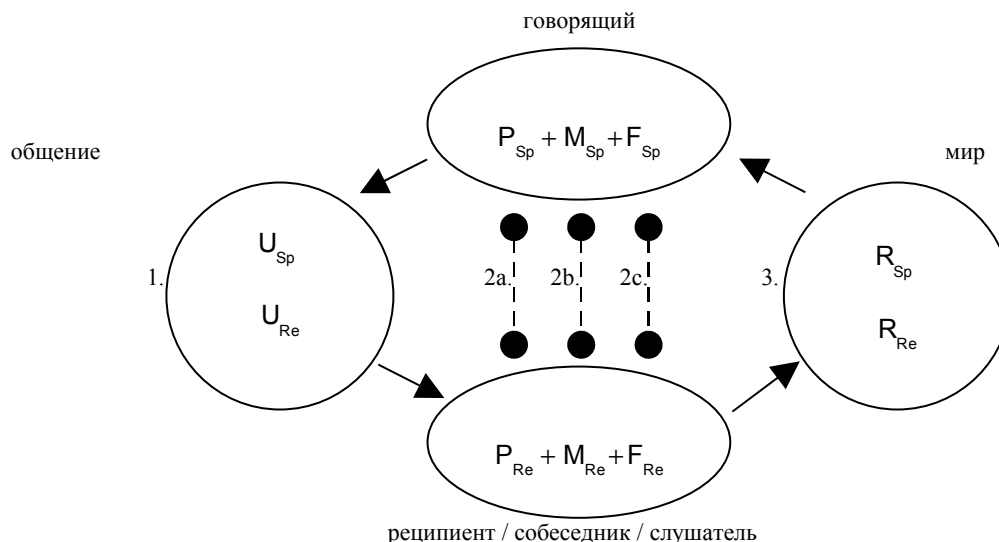
Хельсинкский университет (Финляндия)

Коммуникативная неудача, понимание, двусмысленность

Summary. The paper deals with the problem of misunderstandings and failures in communication. The aim of the paper is to outline a classification of such cases. The classification is based not only on classical linguistic features connected with grammatical ambiguity, but also on psychological and cultural factors which are especially important in intercultural communication.

После публикации в 1993 году отличной статьи Е. А. Земской и О. П. Ермаковой в русистике мало уделялось внимания вопросам, связанным с коммуникативной неудачей, хотя это само по себе – одна из самых важных проблем при рассмотрении коммуникации вообще и межкультурной коммуникации в особенности. Одна из причин отсутствия таких работ, очевидно, – наличие упомянутой статьи, которая

охватывает данную тематику весьма глубоко. Другая причина, пожалуй, – в самом явлении: коммуникативная неудача представляет собой сложный и многосторонний феномен, трудно поддающийся систематическому исследованию. В докладе будет сделана попытка классифицировать случаи коммуникативной неудачи с помощью следующей схемы.

Приведем некоторые примеры, объясняющие идею схемы.

1. $U_{Re} \neq U_{Sp}$ обозначает ситуацию, где высказывание, произнесенное говорящим, не достигает реципиента или искажается в процессе коммуникации. Причины могут быть разные: плохая слышимость из-за шума, отсутствие мотивации к разговору или усталость со стороны реципиента, ляпсус или неудачный выбор слова со стороны говорящего.

2а. $P_{Re} \neq P_{Sp}$ – это традиционные случаи двусмысленности основного содержания (пропозиции) высказывания, допускающие двойное истолкование, например: *Он изучает русский язык и литературу*.

2б. $M_{Re} \neq M_{Sp}$ – это непонимание модальной рамки высказывания. Например, фраза *Он может прийти только завтра* допускает два прочтения.

2с. В случаях $F_{Re} \neq F_{Sp}$ коммуникативная неудача касается функции высказывания, иначе говоря, реципиент понимает речевую функцию высказывания не так, как имелось в виду говорящим. Здесь могут быть разные уровни рассмотрения. Если мы говорим: *Вы не можете открыть окно?*, – высказывание без особого труда распознается как просьба или побуждение. Если же мы имеем в виду то же самое, а говорим: *Здесь душно* – понимание высказывания как просьбы требует большей работы по его интерпретации. Соответственно, фраза: *Кто взял мой зонтик?* – может быть истолкована или как вопрос, или как упрек. На более высоком уровне рассмотрения можно говорить и о функции целого разгово-

ра. Например, телевизионное интервью состоит из ряда вопросов и ответов, но ведущий программы может иметь и более общие цели, к которым он стремится, задавая вопросы определенного типа.

3. R_{Re} и R_{Sp} соединяют высказывание с действительностью, с референтом. Здесь могут быть различные причины коммуникативной неудачи. Самая очевидная из них – путаница в конкретном предмете разговора. Если говорящий высказывается: *Игоря нет*, а реципиент понимает фразу правильно, но думает о другом Игоре, происходит кардинальная коммуникативная неудача. Менее очевидные, но не менее редкие проблемы в коммуникации возникают из-за того, что у собеседников разные знания о мире.

Все отмеченные явления происходят как в «однокультурной», так и межкультурной коммуникации. Если мы в начале тезисов отметили, что опубликовано мало работ по теории коммуникативных неудач, то, наоборот, в течение последних десяти лет в русистике появилось масса работ, приводящих десятки и сотни примеров коммуникативной неудачи в межкультурном общении (такие авторы, как Гудков, Красных, Прохорова, Стернин, Тер-Минасова). В основном примеры касаются проблем при референции (экзамен «порусски» – не то, что «по-английски» или «по-фински»). Для описания этих явлений создан ворох новых терминов, таких как *концепт*, *концептофера*, *ментфакт*, *прецедентные феномены (имена, ситуации, тексты)*, *коммуникативное поведение*.

Взаимодействие эмоциональной и рациональной оценки в процессе порождения речи

Л. А. Пиотровская

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург

*Эмоциональная оценка, рациональная оценка, динамическая смысловая система,
общий замысел, внутреннее программирование*

Summary. The analysis is based on L. Vygotsky's theory of emotions and his concept of the dynamic semantic system. The emotional and volitional nature of the motive is being explained. The emotional dominance of conceptualizing can be represented as a positive / negative / complex (ambivalent) emotion / surprise. It is at the semantic programming stage when the disjunction of either emotional or intellectual domination being defined, that the communicative type of the future utterance is determined.

Методологической основой изучения проблемы «эмоции в речевой деятельности» является положение об *органическом единстве эмоциональных и интеллектуальных процессов в речевом мышлении*. Принципиально важно также положение о семантике высказывания как *динамической смысловой системе* (Л. С. Выготский). Предметом анализа является процесс порождения речи.

Ключевой характеристикой любой деятельности является мотив, представляющий собой «опредмеченную потребность» (А. Н. Леонтьев); потребности же, в свою очередь, неразрывно связаны с эмоциями и волей (С. Л. Рубинштейн). Таким образом, *мотив речевой деятельности также имеет эмоционально-волевую природу*.

Эмоциональным по своей природе является и общий замысел будущего высказывания. Это обусловлено нерасчлененностью образа содержания будущего высказывания. Экспериментально доказано (Е. Ю. Артемьева), что познание любого объекта начинается с целостной, нерасчлененной, эмоциональной по своей природе, оценки. Механизмы «первовидения» актуализируют структуры, характеризующие не свойства познаваемого фрагмента действительности, а личностное отношение к нему.

В процессе формирования общего замысла высказывания познаваемый объект оценивается с точки зрения его соответствия / несоответствия потребностям субъекта речи, что предопределяет его *положительную или отрицательную оценку*. Многообразие потребностей человека обуславливает возможное переживание сложных эмоций (С. Л. Рубинштейн). По нашим данным, сложные эмоции, переживаемые субъектом речи на этапе формирования общего замысла, в продукте речемыслительной деятельности чаще представляются собой органическое единство различных эмоциональных оценок одного знака; ср. типовое значение эмотивных синтаксических конструкций русского языка: «а + еще (+ прилагат.) + суц. в им. п. (+ называется)» (напр., *А еще инженер!*) – «выражение неодобрения в сочетании с разочарованием»; «он (-а, -и) + еще + и + глагол в форме наст. вр. / глагольное словосочетание» (напр., *Она еще и язык показывает!*) – «выражение возмущения в сочетании с осуждением».

Несмотря на то, что эмоциональной сфере психики человека присуща полярность, *эмоциональная оценка на этапе формирования общего замысла может быть и нейтральной по знаку*. Такова природа удивления (Е. М. Вольф) как эмоции, мотивированной несоответствием положения дел предварительному прогнозу субъекта речи, а не его потребностям (С. Г. Воркачёв). Итак, эмоциональная доминанта общего замысла может быть представлена как положительная / отрицательная / сложная эмоция (в том числе амбивалентная) / удивление.

Внутреннее (смысловое) программирование характеризуется первичным расчленением общего замысла и построением иерархической смысловой структуры, зависящей от «когнитивного веса» того или иного компонента отражаемой ситуации (А. А. Леонтьев). По-видимому, именно на этом этапе и *определяется доминирование интеллектуальной или эмоциональной оценки в содержании будущего высказывания*.

С одной стороны, в процессе «поаспектного анализирования» эмоциональная оценка может «поглощаться» дескриптивными компонентами, один из которых и занимает во

внутренней программе вершинную позицию. В этом случае продуктом речемыслительной деятельности говорящего будет повествовательное, вопросительное или побудительное высказывание. Суть переработки эмоциональной оценки в семантике таких высказываний состоит в том, что причина, вызвавшая недифференцированную эмоциональную оценку, подвергается логическому анализу. «Отголоски» эмоциональной оценки могут проявляться в последующем выборе говорящим слов с эмотивным компонентом значения (ср. оценочные прилагательные *талантливый и интересный* и высказывании *Талантливый художник пишет интересную картину*).

С другой стороны, эмоциональная оценка сохраняет максимальную когнитивную значимость для говорящего, что обуславливает вершинную позицию эмотивного компонента в иерархической смысловой структуре будущего высказывания. Продуктом развертывания такого замысла является эмотивное высказывание, рассматриваемое нами как особый коммуникативный тип, например: *Разве мы уже знакомы?; Неужели у тебя нет седых волос?; Что же мне – не спать из-за тебя?; Он еще и кофе попивает!; Также мне, друг называется!; Какой он тебе друг!; Подумаешь, друг!; Вот тебе и подруга!; Что это за погода!; Ну и вырядилась!; А еще в институт поступать собрался!; Надо же так не везти!; Как я устала!; До чего мне все это надоело!; Что за прятки на кухне?! и многие др.*

Обобщая различные процессы, которые характеризуют порождение речи на этапе внутреннего программирования в аспекте взаимодействия эмоциональной и рациональной оценки в речемыслительной деятельности говорящего, можно выделить *три основных направления в динамике смысловой системы*.

Во-первых, *общая эмоциональная оценка преобразуется в смысловой компонент, обладающий наибольшей когнитивной значимостью для субъекта речи*. Такое соотношение эмоциональной и рациональной оценки в иерархической структуре внутренней программы предопределяет выделение в объекте оценки ограниченного числа дескриптивных признаков. Продуктом речемыслительной деятельности в этом случае является *эмотивное высказывание*.

Во-вторых, в процессе речепроизводства *общая эмоциональная оценка сохраняет субъективную значимость для говорящего, однако иерархически она подчинена смысловым компонентам, коррелирующим с рациональной оценкой*. Сохранение эмоциональной оценки в статусе одной из коммуникативных целей говорящего во внешнеречевом высказывании обязательно получает вербальное выражение, позволяющее отличить *эмоционально окрашенное высказывание («восклицательное»)* от эмоционально нейтрального («невосклицательного»).

В-третьих, *эмоциональная оценка, актуальная на этапе мотивации и этапе формирования общего замысла, полностью поглощается оценкой рациональной, вследствие чего эмоциональная составляющая содержания внешнеречевого предложения-высказывания может быть выявлена лишь косвенно, на основе анализа лексического значения слов*.

Таким образом, *коммуникативный тип высказывания, который зависит, с одной стороны, от доминирования одной из коммуникативных целей, с другой – от их «комбинации», формируется на этапе внутреннего (смыслового) программирования*.

Неолексикология: системно-теоретические основания

А. А. Поликарпов

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

1. Предмет исследования.

Под анализом «системно-теоретических оснований» в неолексикологии подразумеваются выявление наиболее важных, принципиальных особенностей (семантических, словообразовательных, морфологических, частотных и иных свойств) новых лексических единиц, находящихся в системной, взаимообуславливающей связи. Эти особенности вскрываются на основе теоретических представлений о закономерностях процессов семантического развития слов (изменения у них значений и образования новых значений) и связанных с этим закономерностей словообразовательного процесса (образования новых слов – [2]). Верификация этих представлений производится на основе сопоставления характеристик новой лексики 90-х гг. прошлого столетия, полученных из «Компьютерного корпуса газетных текстов русского языка конца XX века» [1] с соответствующими характеристиками их производящих единиц и единиц общей лексической системы, представленной в репрезентативных общих словарях и словаря текстовых корпусов русского языка.

2. Теоретические основания.

2.1. Модель жизненного цикла знака.

Работа по выявлению закономерностей процесса появления новых слов в языке опирается на теоретические положения, сформулированные в Модели жизненного цикла знака ([2]). Эта концепция позволяет выдвинуть и экспериментально проверить ряд прогнозов об универсальных закономерностях процессов исторического движения в знаковом материале языка.

Оборотная сторона неологических процессов, которую необходимо также принимать во внимание при определении общей картины исторического движения в языке, это процессы старения и вымирания единиц языка. Эти два процесса тесно взаимосвязаны, т. к. новое, как и в любой сфере действительности, в языке приходит на смену устаревшему, в ходе прижизненного изменения того, что когда-то родилось, когда-то было новым, но, претерпев со временем ряд закономерных изменений, вышло в конце концов из строя. Без учета тенденции к постоянному накоплению в каждом знаке элементов взросления-старения, ведущему сначала к ненадлежащему исполнению некоторой исходной функции, потом к смене функции на другую, а потом, в конечном счете, и к полному неисполнению любой функции (т. е. к естественному изживанию знака), что ведет к появлению в языке некоторой неисполняемой функции, не может быть понятно, почему регулярно оказываются в языке свободными некоторые функции (смыслы), часть из которых начинают выполнять (обозначать) другие из имеющихся в языке знаков, а другую часть – новые, специально производимые для этого знаки.

Естественно, что в ходе социально-коммуникативного развития общества происходит не только перераспределение обозначений для некоторого уже имеющегося набора смыслов, но и появление новых смыслов (а также исчезновение-вымирание части смыслов, переставших быть актуальными, нужными для общества). Для обозначения новых смыслов тоже могут формироваться как новые знаки, так и употребляться (со смещением в функции, т. е. с употреблением в новом значении) уже существующие в языке знаки. Соотношение между процессами появления новых знаков (например, новых слов), с одной стороны, для обозначения новых смыслов и, с другой, появление новых знаков для обозначения прежних, давно существующих смыслов, но потерявших обозначавшие их знаки, а также соотношение, с одной стороны, между обозначением новых значений с помощью существующих в языке знаков (слов), и, с другой – переобозначение с их помощью уже существующих значений, не может быть понято без рассмотрения базовых тенденций в процессах языковой эволюции, тех типов основных изменений, которые происходят с любым знаком в ходе его использования, в коммуникации.

Основной постулат эволюционно-коммуникативного понимания исторической динамики языка и заключается в том, что каждый акт коммуникации в потенции оказывается и актом эволюции. Любой знак, употребляясь в том или ином коммуникативном акте, не может не меняться, причем, эти изменения преимущественно (вероятностно) направлены, т. е. происходят, в основном, в одном направлении. накапливаясь в течение какого-то времени в знаках языка, они и определяют общую, универсальную картину их направленного изменения (прохождение т. н. жизненного цикла любой знаковой единицы), а также общую картину обновления всех единиц языка.

2.2. Основные моменты универсальных сдвигов, вероятностно осуществляющиеся в каждом акте общения.

Любой знак (в т. ч. и лексический) сразу после рождения, в ходе всей последующей жизни, т. е. в ходе своего употребления коммуникантами, начинает постоянно испытывать некоторый ряд основных воздействий, которые определяют основные (типовые) изменения, происходящие с ним, в т. ч. определяют и типовые изменения в его словообразовательном потенциале, что и определяет закономерности словообразовательного процесса.

Эти воздействия, прежде всего, связаны с тем, что любое значение любого знака это некоторый образ, соотносящийся в данном акте коммуникации с некоторым целевым (обозначаемым) образом-смыслом по принципу **намекания**, ассоциативного возбуждения данным образом-значением некоторого образа-смысла на основе реализации их похожести, вероятностного совпадения определенной части компонентов в них. Действие принципа намекания определяет то, что в любом очередном акте коммуникации присутствует определенная вероятность (которая объясняется коммуникативной необходимостью) соотнесения любого данного образа-значения с каким-то новым, ранее не обозначавшимся образом-смыслом. Появление новых смыслов, которые необходимо обозначать-намекать в коммуникации неизбежно в связи с постоянным расширением области социальной практики любого коллектива, опыта членов коллектива и необходимости обмена этим опытом, поддержания смысловых миров членов общества в относительной общности. Накопление в памяти коммуникантов, хотя и похожих в чем-то (через похожесть на обозначавшее их значение), но все равно разных смыслов в виде некоторой совокупной смысловой области, на каждую часть которой может намекать данное значение в том или ином коммуникативном акте, определяет не только экстенсивный рост этой области, но и ее интенсивный рост, **увеличение со временем степени разнообразия смыслов**, входящих в нее, **увеличение степени совокупного разнообразия компонентов, составляющих эти смыслы**. В свою очередь, это увеличение разнообразия компонентов области, покрываемой каждым данным значением, определяет **сужение** круга тех компонентов, которые повторяются в них, **общих** для всех них. Это, далее, ведет и к перераспределению ассоциативной нагрузки на компоненты образа-значения. А именно, через определенное время жизни (использования) данного значения данного знака каждый из компонентов более узкого, чем ранее, их круга в составе данного значения, в среднем, чаще вступает в ассоциативную связь с компонентами смысла, на которые намекается с помощью данного значения. А учащение активизации подобных ассоциативных связей ведет к постепенному усилению, закреплению в памяти коммуникантов наиболее часто возбуждаемых компонентов значения и ослаблению (а потом и полному угасанию) тех, которые в нем не активируются. Т. е. это ведет в итоге к сужению круга оставшихся в значении компонентов, его **абстрактивизации**.

Наряду с процессами **субъективизации** процессы абстрактивизации определяют основу эволюционной динамики лексического материала, задают исходные импульсы для развития лексической и категориальной семантики единиц

лексики, для формирования тенденций словообразовательного процесса.

2.3. Некоторые основные закономерности словообразовательного процесса.

В начале любой словообразовательной цепи находятся, в основном, слова с наиболее конкретно-предметными значениями. Это, чаще всего, идентифицирующие (а не характеризующие) существительные. Со временем, с увеличением возраста слов их значения постепенно теряют семантическую специфичность, предметность своих значений (т. е. становятся более абстрактными, качественными, характеризующими, чем ранее). Эта тенденция, с одной стороны, определяет понижение точности в наметательном обозначении тех смыслов, которые подпадают под значения данного слова. А это и ведет к ослаблению позиций данного слова в конкурентной борьбе с другими словам в обозначении этих смыслов, к повышению вероятности замены данного слова другими (за счет появления у них нового значения) или образования нового слова. С другой стороны, изменение качества лексической семантики слов определяет и тенденцию в категориально-грамматическом переоформлении слов, точнее, тенденцию к образованию от так развивающихся слов категориально более абстрактных дериватов, которые, оказываются способны к покрытию более широкой, чем прежде, смысловой области, в том числе и тех ее участков, которые уже покрываются значениями других знаков.

Это второе качество дериватов и определяет возможность возникновения в языке новых кандидатов на то, что уже обозначается другими словами, возможность замены более эффективными обозначениями того, что перестало обозначаться достаточно эффективно прежними средствами.

На основе подобного подхода и можно понять, почему сутью словообразовательных процессов в языке является не только и не столько получение новых знаковых оболочек для новых значений, обозначение которых назрело в связи с изменениями в смысловом мире (этот вариант словообразовательного процесса, а именно мутационная разновидность лексической деривации, составляет наименьшую долю среди всех лексических новообразований, как по данным Е. А. Земской (1992), так и по нашим данным), сколько переобозначение и переименование уже обозначаемых в языке смысловых сущностей (до 70% всех актов именования в русском языке), но с добавлением в семантике производных тех или иных либо категориальных компонентов (синтаксическая деривация), либо лексико-категориальных (модификация), либо чисто лексических и лексико-стилистических (варианты мутации) в сравнении со значениями тех слов, от которых они образованы.

2.4. Синтаксическая деривация, модификация и мутация в процессе образования новых слов.

Далее отметим, что относительно более специфичное лексическое значение производящего имеет меньше шансов сохраниться в неизменном виде (без изменений в наборе и качестве своих компонентов) в производном. Это, естественно, связано с тем, что каждый из компонентов в относительно более качественно разнообразном наборе компонентов некоторого значения имеет больше шансов наткнуться на то или иное из ограничений на свое существование со стороны новой категориальной семантики и контек-

стов ее употребления. Таким образом, для слов относительно более молодых, слов, находящихся на относительно более низких ступенях деривации, слов, принадлежащих к категориально более конкретной части речи (т. е. существительных) должны быть в большей степени свойственны нерегулярности в соотношении их лексических значений с лексическими значениями их производных, что характерно для мутационной разновидности лексической деривации. И, наоборот, для слов, находящихся на относительно более высоких ступенях деривации, и слов, принадлежащих к признаковым частям речи, должны быть в большей степени свойственны модификация и, особенно, синтаксическая деривация.

Новые слова, называющие нечто бывшее известным носителям языка и ранее обозначавшееся другим словом или целым словосочетанием, должны противопоставляться по ряду признаков словам, обозначающим совершенно новые смыслы. Можно предполагать, первые будут чаще мотивироваться уже существующими словами (например, из прежней фразеологической номинации) и поэтому будут находиться на более отдаленных ступенях деривации, чем «совсем» новые, будут менее предметными (и по лексической, и по категориальной семантике) и т. п.

2.5. Итак, исходя из предложенной теоретической картины, можно прогнозировать, что будут наблюдаться следующие **основные зависимости**:

- Наиболее активными с точки зрения образования новых слов будут являться такие производящие слова, которые находятся на относительно низких ступенях деривации (более близкие к исходному слову словообразовательного гнезда), более категориально конкретные.
- При образовании новых аффиксальных и иных несложных слов должно качественно меняться соотношение слов предметной (существительные) и признаковой (прилагательные, глаголы и наречия) категориальной семантики среди слов нового поколения по сравнению с аналогичным соотношением частеречных категорий производящих слов в сторону слов категориально более признаковых.
- Зависимость между ступенью деривации, на которой находится производящее, и структурно-семантическим типом деривации при образовании нового слова.
- Зависимость между частеречной принадлежностью производящего и типом деривации при образовании нового несложного слова.

3. Проверка теоретических прогнозов.

Указанные тенденции были проверены и подтверждены на списке 1887 новых слов русского газетного языка 90-х годов XX века, отобранных в ходе автоматической фильтрации и многостороннего экспертного анализа лексического материала представительного корпуса газетных текстов [1].

Литература

1. Кукушкина О. В., Поликарпов А. А., Токтонов А. Г. Анализ системных характеристик словообразовательного процесса (На основе анализа новых лексических единиц газетного материала «Полистилевого корпуса современного русского языка») <http://www.philol.msu.ru/~humlang/articles/novgazlex.html>.
2. Поликарпов А. А. Когнитивное моделирование циклических процессов в становлении лексической системы языка // Труды Казанской школы по компьютерной и когнитивной лингвистике. Казань, 2001. С. 57–99.

Концепция Н. А. Рудякова и теоретические проблемы современной русистики

А. Н. Рудяков

Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь (Украина)

Функционализм, текст, теория языка

Summary. This paper is devoted to consideration a conception of N. A. Rudiakov from position of linguistic functionalism.

Теоретические проблемы современной русистики не исчерпываются собственно лингвистическими поисками. Лингвистика стала перед необходимостью осмыслить по-новому не только свой объект, но и свои гносеологические и методологические основания.

Языковеды все чаще признают основным объектом своего исследования текст. Теоретические поиски лингвистики на данном этапе так или иначе связываются с когнитивны-

ми и дискурсивными исследованиями, что обусловлено общим смещением интереса лингвистов к функциональным характеристикам языка и его единиц. Попытки разрешить проблемы, связанных с функциональным описанием языка и текста мы находим в работах Н. А. Рудякова, которые, на наш взгляд, остались непочитанными современниками. Соссюр писал, что часто легче открыть истину, чем определить подходящее ей место. Нам кажется, что, построив тео-

рию текста как функционально обусловленной семиотической системы, Н. А. Рудяков до конца жизни считал, что работает над проблемой анализа художественного произведения. Между тем, значение его идей выходит за рамки стилистики художественного текста.

Попытавшись вслед за Н. А. Рудяковым определить текст с позиций функционально-семантических, мы пришли к следующему определению: текст это речь, организованная с какой-то целью, предназначенная для чего-либо. Однако такое определение исходит из примата знаковости, для которого первично устройство, а способность объекта к функционированию воспринимается как одна из способностей, менее важных, чем способность к бытию в виде устройства.

Текст – это речь, организованная целью, порожденная целью; вызванная к жизни целью, назначением; само существование текста обусловлено целью; цель есть системообразующий фактор текста, причина и смысл его бытия, устройства, функционирования. Текст только тогда может быть понят, когда мы увидим в нем орудие, инструмент, устройство которого обусловлено его функцией.

Текст – форма существования речи. Поскольку нет и не может быть бесцельной речи, речь всегда существует в форме текста, т. е. в функционально обусловленной форме.

Что может быть целью речевой деятельности? Мы сознательно употребляем единственное число, потому что множественность конкретных целей речевых актов заслоняет

суть обсуждаемой проблемы. Ответ на этот вопрос дают работы Л. С. Выготского и его последователей.

Поскольку деятельность человека всегда направлена на преобразование мира, то, соответственно, цель речевой деятельности, цель текстопорождения – преобразование какой-то части очеловеченного Универсума, приведение его в соответствие с идеалом говорящего, т. е. творящего текст.

Речевая деятельность, по своей сути, не может быть направлена на непосредственное преобразование мира; речевая деятельность направлена на преобразование **отражения** мира в сознании адресата речи, на преобразование сознания субъекта восприятия текста. Именно видение мира в сознании субъекта приводится в соответствие с **идеалом** говорящего.

Это глобальное противоречие между должным и данным и есть главная движущая сила речепорождения, главная сила, организующая текст.

И именно определение художественного текста как инструмента решения противоречия между «должным» говорящего и «данным» реальности – является одной из блестящих находок Н. А. Рудякова. Равно как и подход к тексту не как к совокупности составных частей, не как к множеству деталей, что так присуще аналитическому, а порой и откровенно редуccionистскому видению лингвистики прошлого века, а как к целому, как к системе, состоящей из обусловленных функцией подсистем, именуемых автором «сквозным элементом» и «системой средств словесной экспликации».

Лингвокреативная энергия единиц языка и культуры

З. К. Сабитова

Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы (Казахстан)

Синергетика, лингвокультурологические единицы, лингвокреативная энергия

Summary. Linguistic-cultural units as carriers of spiritual energy are regarded in the report. Their linguistic-cultural meaning can be revealed only through culture and outlook of a nation.

Любое общение – это творческое взаимодействие собеседников. Человек живет в большей степени в мире слов, нежели в мире предметов и явлений. И неслучайно постоянную, никогда не прекращающуюся жизнь «с языком» и «в языке» Б. М. Гаспаров назвал языковым существованием.

В настоящее время одним из наиболее перспективных междисциплинарных подходов является синергетика, под которой понимается и совместная деятельность, общая энергия по созданию чего-либо, и один из подходов исследования источников энергии предметов, явлений, действий.

Понятие «синергетика» Н. Ф. Алефиренко использует применительно к образным словам (метафорам, метонимии и дискурсивной идиоматике). Синергетика поэтического слова есть совместная деятельность различных факторов, определяющих в конечном итоге лицо слова, его силу, магию.

Образное слово представляет собой арену встречи энергий, «вающихся» смысловую энергию сущности предмета (по А. Ф. Лосеву). Энергосозидающие факторы образных единиц относятся к среде формирования их поэтической энергии, главным же энергоносителем в лингвокреативных процессах является человек. И в этом случае образное слово предстает как «живое слово живого человека» (А. Ф. Лосев).

Энергонесущими являются и культурно нагруженные единицы языка, имеющие глубокое ценностно-смысловое содержание, представленные в сознании носителя в виде сложнейшей амальгамы объектов культуры, сознания и языка. Воплощенная в них духовная сила, творческая энергия народа – носителя языка делает их знаками определенной лингвокультуры. Содержание лингвокультурологических феноменов пронизано «духом народа», национально-специфическим способом освоения мира.

Слово в первоначальном бытовании – это «своеобразная зарубка», которая метит не предмет, не явление, а некий контекстуальный смысл, связанный с этим явлением, тем самым заряжает энергией предмет, делает его своим, познанным, определяет его место в своем бытии, ибо слово – это «максимально напряженное осмысление бытия» (М. М. Маковский).

В каждом случае использования слова, языка человек снова и снова выступает создателем новых смыслов, новых

оттенков слова. В результате слово обладает мощью, духом, энергией, способной творить чудеса с человеком, оно дано для воплощения и передачи другим людям, поколениям той мысли, того чувства, той доли истины или вдохновения, которым обладает человек.

Мощный заряд энергии несет в себе культура, дух народа, сконцентрированный в слове, образе жизни. Предмет обладает особой смысловой напряженностью, осмысленностью только в контексте своей культуры, и расшифровать культурную значимость предмета возможно только при погружении в культуру. Лингвокультурные смыслы – это «невидимая часть айсберга», поверхность которого – часть языковых значений слова. Эту невидимую часть «айсберга» можно эксплицировать лишь при обращении к мировоззрению народа, «духу народа», образу его мышления на разных этапах культурного развития.

Слово *культура*, как известно, произошло от латинского слова *colere* ‘возделывать’ и первоначально имело значение ‘целенаправленное воздействие человека на природу, изменение природы в интересах человека, т. е. возделывание земли’. Возделывание земли и было первоначальным актом «присвоения» земли, сотворения мира вокруг себя, насыщения его своей энергией, окультуривания познаваемого пространства.

Для тюрков конь (*at*) не был лишь средством передвижения, он имел сакральный смысл, отношения между конем и человеком были одухотворены, опоэтизированы и обоюдно притягательны. Конь для тюрка – продолжение души и тела, его второе «я».

Сесть на коня, оседлать его (*atlan* ‘садиться верхом на коня; выступать, отправляться’, *atlat* ‘отправляться в поход’ (Древнетюркский словарь)) означало освоить мир, придать ему смысл, упорядочить, зарядить мир своей энергией, сделать своим, познанным. У тюрков бытовала поговорка: *Куда ступит копыто коня, там наша земля* (М. Аджид). Ср. в древнерусском памятнике «Псковской летописи» отклик этого смысла: *Ничтоже вземше ни полонивше, только **взяша земли копытомъ***.

Так, используя культурный код, можно понять мифокультурную значимость использования понятия «конь» как

эталона интеллекта, принципов соотношения коня и языка в славянских и тюркских языках.

Соотнесение коня с языком отмечается в русских фразеологизмах *оседлать <своего> любимого конька; садиться на своего <любимого> конька* 'начать говорить, рассуждать, распространяться на излюбленную тему'. Ср. казахские и русские пословицы: *Если джигит бесстыдный болтун, он похож на коня без узды; Не бывает языка без ошибок, копыт не спотыкающихся; Нет такой лошади, чтобы не спотыкалась.*

В значении выражений *его понесло* (о человеке) 'говорить / писать глупости, пустое, нелепое' и *понесло коня* 'по-

мчаться, не слушаясь управления' имеется смысл 'отсутствие контроля за языком / лошадью'.

Живое слово обязательно является чьим-то, тем более культурно нагруженное слово. Оно несет отпечаток своего «автора», его видения, духа. Источником лингвокреативной энергии этих единиц является «дух народа».

Значит, изучение языковых единиц прежде всего по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функциям для развития человеческой личности позволит решить важнейшую и нелегкую задачу «возвращения человека в лингвистику на подобающее ему место».

Новый тип науки о языке: когнитивная лингвистика

В. Г. Семенова

Таганрогский государственный педагогический институт

Когнитивная наука, когниция, когнитивная лингвистика, человек

Summary. This paper is devoted to the actual problem of cognitive linguistics.

В последнее время в науке большую роль приобретает когнитивное научное направление, в центре внимания которого находится проблема обретения человеком знания и вопросы о том, «какими типами знания и в какой форме обладает человек, как репрезентировано знание в его голове...» [2, 58]. Вторжение в науку нового направления потребовало пересмотра традиционных воззрений на природу человека, а поэтому когнитивный анализ стал перспективным методом в познании специфики когниции и ознаменовал появление новой парадигмы знания, разрешающей проблемы представления мира в голове человека.

Включение в сферу когнитивной науки лингвистики, как мы полагаем, определяется рядом критериев. Главный из них – значение полученных выводов в этой области. Еще одной предпосылкой включения лингвистики в состав когнитивной науки является стремительное восхождение ее на передовые рубежи научного познания. Немалое значение имеет и такой внешний и формальный критерий, как выделение в самостоятельную научную дисциплину когнитивной лингвистики. По сути говоря, в современных условиях вновь остро зазвучал вопрос о границах лингвистики. В связи со сказанным можно говорить о формировании нового типа науки о языке, одним из характерных признаков которого является доминирующее положение «в описании и объяснении» [2, 53].

Когнитивный подход к лингвистическим объектам находится в настоящее время на начальном этапе формирования, а поэтому нет еще обстоятельных исследований в этой области, хотя большой научный потенциал такого подхода совершенно очевиден, ибо главными проблемами когнитивной науки являются вопросы о том, «каким образом человек приходит к знанию и как он его использует» [2, 58]. Принимая во внимание то, что когнитивная лингвистика является новой областью теоретической и прикладной лингвистики, она тесным образом связана с понятием когниции и ее изучением в лингвистическом аспекте, с одной стороны, а также с исследованием когнитивных аспектов непосредственно лексических, грамматических и др. явлений – с другой.

Несмотря на то, что в различных областях знания когниция считается понятием междисциплинарным, входящим в категориальный аппарат философии, психологии, биологии и ряда других научных дисциплин, в том числе и лингвистики, до сих пор оно является трудноопределяемым. Наряду с распространённым пониманием когнитивного феномена как познавательного процесса, возникает объяснение когниции как представляющую собой некое вычисление (computation) в контексте изучения особенностей переработки информации человеком. Думаем, когда говорят, что когниция есть обработка информации, то не столько определяют ее, сколько указывают на одно из ее свойств. Считаем поэтому, что когницию нельзя отождествлять с процессом обработки информации, потому что она ведь имеет и онтологический, и социальный аспекты. Обладая сложной системной организацией, когниция включает в себя не только такие ментальные процессы, как знание, сознание, разум, мышление, представление, творчество, разработка планов и стратегий, размышление, символизация, логический вывод,

решение проблем, классифицирование, соотнесение, фантазирование и мечты, но и организацию моторики, восприятие, воспоминание, мысленные образы, внимание и узнавание, а также мимезис. Именно эти признаки и определяют собой когнитивную специфику изучения человека.

Все определения, таким образом, имеют дело с единой проблемой: анализом когниции как специфически человеческой формы регуляции взаимодействия человека с действительностью. Эта форма характеризуется выделением человека как своеобразной реальности, как носителя особых способов взаимодействия с окружающим миром, включая управление им. Анализ понятия «когниция» ставит нас перед необходимостью определить свою позицию в терминологических разночтениях, характеризующих научные исследования в этой области. Поэтому под когницией в широком смысле мы будем понимать определенную степень развития способности познания, что достигается путем овладения знаниями, помогающими все более глубоко и всесторонне, а тем самым адекватно отражать вечно развивающийся мир.

Современная наука исходит из того, что «язык – динамичная и преобразующая семиотическая система кодирования результатов речемыслительной деятельности человека – деятельности, которая так же бесконечна, как мир, как беспредельно и неисчерпаемо его познание» [1, 272]. Таким образом, делается акцент на органической связи языка, речемыслительной деятельности и познания беспредельного и неисчерпаемого мира, а следовательно, определяется необходимость решать лингвистические проблемы, как общие, так и частные, на широком фоне речемыслительных процессов и закономерностей познания человеком объективной действительности. Другими словами, определяется связь собственно лингвистики с психолингвистикой, когнитивной лингвистикой и лингвистикой антропоцентрической. Исходя из этого, когнитивная лингвистика находится «в русле антропоцентрической лингвистики, которая, по-видимому, будет определять магистральное направление в развитии языкознания в XXI веке» [3, 160].

Успешность разрешения этой проблемы связывается, по мнению Д. И. Руденко, с осознанием того факта, что «перспективным (во всяком случае, наиболее очевидным) на таком пути является исследование категорий и концептов, входящих в сферу «третьей парадигмы» философии языка – прагматической (или, по П. Серью [P. Seriot], «четвертой», когнитивной)» [4, 20–21]. Соответственно отчетливее предстанет и «конечная» цель – познание сущности человека, которая уже сегодня не только не выступает в качестве некой неразрешимой загадки, но оказывается конкретно реализуемой задачей.

Литература

1. *Алефиренко Н. Ф.* Спорные проблемы семантики. Волгоград, 1999.
2. *Краткий словарь когнитивных терминов / Под ред. Е. С. Кубряковой. М., 1996.*
3. *Попова З. Д., Стернин И. А.* Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001.
4. *Руденко Д. И.* Когнитивная наука, лингвофилософские парадигмы и границы культуры // *Вопросы языкознания.* 1992. № 6.

Константин Аксаков и поиски новой «философии языка» первой четверти XX в.

Е. А. Тахо-Годи

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Славянофилы, имяславие, новая «философия языка», мистико-онтологический реализм

Summary. The slavophil's ideas influenced greatly the development of Russian religious thought of the first quarter of the XX. This influence was also closely connected with the search for the «language new philosophy» and A. Losev's theory of the name. The desire «for realistic interpretation of the name as the sense element» made Losev turn his attention to K. Aksakov's works and revealed «an original language philosophical theory», «especial kind of science, the existence of which we just beginning to guess».

Идеи славянофилов, как известно, оказали большое воздействие на русскую религиозную мысль Серебряного века. Благодаря Н. А. Бердяеву, С. Н. Булгакову, М. О. Гершензону, Вяч. Иванову и др. славянофилы стали рассматриваться не только как публицисты и социологи, но как создатели русской самобытной философии. Однако обычно этот круг влияний ограничивается проблемами понимания народного духа, национального самобытности, исторического уклада русской земли, соборности, Церкви или антитезой «Восток – Запад». Между тем в первой четверти XX в. наследие славянофилов оказалось связано и с поисками новой «философии языка».

В этот период интерес к философии языка в России усилился, с одной стороны, под влиянием философии Э. Гуссерля, предопределившей, например, «феноменологический» подход к языку Г. Г. Шпета, чья ««внеметафизическая» позиция» «более отвечает чистому гуссерлианству» (*Зеньковский В. В. История русской философии. Р., 1989. Т. 2. С. 373*). С другой стороны, этот интерес сопрягался с новыми религиозными исканиями, со спорами сторонников и противников возникшего на Афоне учения о почитании имени Божьего – «имяславия». Это постижение тайны имени-слова шло по линии, стремившейся совместить различные философско-богословские традиции – как западные, так и отечественные. Таков был путь А. Ф. Лосева. «Метафизический символизм» Лосева и его учение о «символической концепции сущности» (Там же. С. 374–375) нашли отражение и в его книге «Философия имени», завершенной в 1923 г. и изданной в 1927 г.

Лосев предельно лаконично излагает свое учение об имени и в «Диалектике художественной формы» (1927), объясняя, как антиномико-синтетическим методом он выводит имя из самой вещи и находит именную структуру в ее сущности. Для него самое важное в имени – «то, что оно является энергией сущности вещи». Имя – «сама вещь, данная, однако, в разуме», что однако не мешает ей «быть реальной вещью». Это не значит, что имя «есть вещь в смысле субстанции», «но имя есть вещь как **смысл** вещи». По Лосеву, «только тогда, когда в имени есть нечто от вещи», «можно обосновать общение объекта с субъектом» (*Лосев А. Ф. Форма. Стилль. Выражение. М., 1995. С. 191–192*). Вот почему для Лосева «философия имени есть самая центральная и основная часть философии» (*Лосев А. Ф. Бытие. Имя. Космос. М., 1993. С. 746*).

В учении об имени Лосев опирается не только на Платона, Прокла, учение о сущности и энергии Паламы, Гегеля, Шеллинга, В. Гумбольдта, Э. Гуссерля или Э. Кассирера, но и на отечественных авторов. В примечаниях к «Философии имени» Лосев признавался, что его «диалектика человеческого слова» ближе всего к прекрасному исследованию А. Потебни «Мысль и язык» (1913) и видел одну из своих задач в том, чтобы придать намеченному А. Потебней «конгломерату феноменологических, психологических, логических и лингвистических идей и методов» «диалектический смысл и систему» (*Лосев А. Ф. Бытие. Имя. Космос. С. 800–801*). В «Диалектике художественной формы» он указывал и на переключки между разрабатываемой им «философией языка» и работой «Общечеловеческие корни идеализма» (1907) П. Флоренского, стремившегося «к реалистическому истолкованию имени как смысловой и действительной стихии самих вещей» (*Лосев А. Ф. Форма. Стилль. Выражение. С. 192*). Одновременно среди своих предшественников Лосев называет и К. Аксакова.

Вряд ли интерес Лосева к Аксакову можно объяснить тем, что оба в разной степени испытали на себе влияние философии Гегеля (см. книгу Д. Чижевского «Гегель в

России». Париж, 1939). Как представляется, именно стремление к «реалистическому истолкованию имени» заставило Лосева обратить особое внимание на филологические труды такого яркого представителя славянофильства, как К. Аксакова. С лосевской точки зрения, философия славянофилов не только была «первой органической русской философией», но и «стала образцом для всей последующей русской философии» (*Лосев А. Ф. Страсть к диалектике. М., 1990. С. 85*). Кроме того, для Лосева в философии ценно интуитивное прозрение мистических глубин, «мистико-онтологический реализм» (Там же. С. 77). А по справедливому утверждению Н. А. Бердяева, именно со славянофилов, «начиная с Хомякова», русская мысль начала путь от «отвлеченного идеализма и рационализма Гегеля» «к конкретному идеализму», к онтологическому реализму, к мистическому восполнению разума европейской философии, потерявшего живое бытие» (Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 26).

Лосев ссылается на Аксакова не только в «Философии имени» и в «Диалектике художественной формы», где он цитирует слова Аксакова о том, что «язык – это существо человека», что «слово и человек – одно», что оно там, где «является возможность нового бытия, вне материи, бытия в идее понимаемой», что слово «это природа, дух, жизнь, все бытие, но сознание и действительное живущее в сознании и потому новое бытие» (*Лосев А. Ф. Форма. Стилль. Выражение. С. 191*). Специально аксаковским взглядам на язык был посвящен его доклад, прочитанный в Государственной Академии Художественных Наук 8 марта 1928 г. и озаглавленный «Филология и эстетика Конст. Аксакова». Судя по сохранившимся тезисам, доклада состоял из четырех разделов: введение, «Филологические труды», «Общее учение о слове», «Грамматическое учение». Лосев полагал, что пора отказаться от предрассудка, в соответствии с которым «труды Аксакова, как и всей этой школы, суть плоды дилетанства и поверхностного любительства». Так могли думать лишь те, «кто просто не понимали целей и задач, которые себе ставил Аксаков». Однако «дело Аксакова – иное», «его цели – философские и философско-культурные, а не чисто филологические». Лосев считал, что Аксаков «дал философскую теорию языка» и что ошибка современников и потомков заключалась в том, что эту теорию «никто никогда и не хотел и не мог ни увидеть, ни понять у Аксакова», тогда как она давала возможность представить себе «особого рода науку, о которой мы только теперь начинаем догадываться» (*Лосев А. Ф. Имя. СПб., 1997. С. 94–96*).

В сущности, о том же говорил Лосев в Предисловии к «Философии имени», датированном декабрем 1926 г., когда писал, что «теории языка и имени вообще не повезло в России», сетовал на то, что «современное русское языковедение влачит жалкое существование в цепях допотопного психологизма и сенсуализма», что «мимо наших языковедов проходит, совершенно их не задевая, вся современная логика, психология и феноменология», что «прекрасные концепции языка, вроде тех, каковы, напр., К. Аксакова и А. Потебни, прошли малозаметно и почти не повлияли на академическую традицию» (*Лосев А. Ф. Бытие. Имя. Космос. С. 615*). Если за минувшие 80 лет имя А. Потебни и его труды прочно вошли в историю русского языковедения, то филологические изыскания К. Аксакова по-прежнему остаются вне поле зрения современных языковедов и философов, которые, если и сознают, что учение Аксакова о языке представляет «особый интерес», оставляют эту тему языковедам, отказываясь от подробного освещения «этого учения, в виду все же специального характера изысканий» (*Зеньковский В. В. Указ. соч. Т. 1. С. 243*).

К вопросу о когнитивно-семантической специфике квазиэталонов

Г. В. Токарев

Тулский государственный педагогический университет

Лингвокультурология, квазиэталон, культура, семантика, культурный код

Summary. Quasiatalon is a language unit, that represents the stereotypes of a human being's qualities. Quasiatalons verbalize prototypes. Quasiatalons of the Russian language objectivize by means of different cultural codes.

1. Квазиэталон – языковая единица, которая указывает не на референт (обозначенный предмет), а на какую-либо идею, связанную с представлениями о качествах человека, репрезентированную образом данного референта.

2. Квазиэталоны отражают компрессированные ценности человеческого сознания, типичные представления о тех или иных явлениях действительности. Данные культурно маркированные единицы первыми приходят на ум при ответе на вопросы типа: «Как называется человек, обладающий качествами... свойствами... делающий что-либо?» На этом основании можно предположить, что они репрезентируют прототипы. Формирование квазиэталона, репрезентирующего прототип категории, опирается на практический опыт, наблюдения человека за действительностью либо на архетипические представления, априорно передающиеся от поколения к поколению. Прототипический характер квазиэталона подтверждается рядом их функциональных, номинативных характеристик. Во-первых, квазиэталоны частотны в речи носителей языка. Они широко используются в различных речевых жанрах (особенно в прецедентных текстах), выступают в качестве названий произведений,

что свидетельствует об их текстообразующих функциях. Во-вторых, квазиэталоны обладают высоким продуцирующим потенциалом. Они часто выступают в роли ономаσιологического базиса при образовании слов и устойчивых единиц.

3. Денотативный компонент значения квазиэталона в сравнении с аналогичным компонентом слова с конкретным, предметным значением соотносится в первую очередь с той или иной идеей, а потом уже с референтом. Можно сказать, что в значении квазиэталона он только намечен, сдвоен гипертрофированным сигнификативным компонентом. Семантика квазиэталона характеризуется антропоцентричностью, культурной маркированностью, образностью и экспрессивностью. Компоненты значения репрезентируют многомерную информацию о ценностях, стандартах и стереотипах, установках, сформированных данной лингвокультурной общностью, хранят продукты эмоционального переживания явлений действительности.

4. При репрезентации стереотипных представлений о человеке используются разнообразные культурные коды: антропоморфный, биоморфный, фетишный, акциональный.

Понятие различия в русском языкознании

Б. Тошович

Институт славистики, Университет г. Грац (Австрия)

Различие, корреляция, тождество, сходство, русский

Summary. In this work the followings are problem looks: (1) what is the difference, (2) the difference as examines is the difference in Russian linguistics?

Различие в языке и языкознании имеет несколько аспектов. Во-первых, существуют интраязыковые и экстраязыковые различия. Первые касаются только одного языка (в данном случае русского), второе – двух или более языков. Во-вторых, существуют системные различия: формы, значения, функции и категории вступают в отношения и образуют разнообразную и широкую сеть. Различие проявляется в частности в ономаσιологии и семасиологии (одно слово выражает различные значения или различные слова выражают одно значение), лексикологии (особенно в полисемии и омонимии), в грамматике (скажем, в выражении противительных отношениях) и т. д. Различия порождают гомогенные отношения (когда не совпадают только формы или только значения) и гетерогенные (когда отличаются и формы и значения). В-третьих, исследование языка – это поиск различительных черт. Не случайно де Сосюр сказал, что в языке нет ничего другого, кроме различий.

Они имеют общий характер, так как находятся во всех сферах жизни и деятельности. Различие соотносится с двумя фундаментальными понятиями – тождеством и сходством. Но тождество, сходство и различие, на наш взгляд, нельзя назвать собственно категориями (поэтому их Аристотель и не включал в свою категориальную систему), а отношениями. Тождество является корреляцией между **A, B, C... X**, в котором **A** содержит все свойства, имеющие **B, C... X**, и наоборот. Искать тождество значит находить не только родовые, но и видовые различия, существующие во всех коррелятах (**A, B, C... X**). Различие является отношением между **A, B, C... X**, в котором **A** является не одинаковым с **B, C... X**, а **B** не совпадает с **A, C... X**, т. е. одно из (**A, B, C** или **X**) имеет свойство (свойства), отсутствующее (отсутствующие) у другого (других). Искать различие значит находить признаки, имеющиеся только в одном объекте (скажем, в **A**), и отсутствующие в другом (скажем в **B**) или в третьем (напр., в **C**).

Сходство является отношением, в котором хотя бы один признак у **A** совпадает у **B, C... X**, и наоборот. Искать сходство (аналогию) значит находить хотя бы один общий признак, характерный для **A, B, C... X**. Так как сходство является серой, буферной зоной, центральные понятия – тождество и различие. Минимальным условием для тождества, различия и подобия является наличие как минимум двух коррелятов.

Кроме различия в языке существует различительность. Различие является интеркатегориальным отношением (в противоположность тождеству и подобию), а различительность представляет собой интракатегориальное отношение. Понятие различительности больше отражает групповую, чем индивидуальную дифференциацию. Важным вопросом является то, ведет ли автоматически различие к различительности. Наш материал свидетельствует о том, что различное не должно быть всегда различительным. Существует еще одно отношение – различение. Оно является операционным, так как речь идет о приеме, при помощи которого мы определяем, насколько корреляты отличаются друг от друга.

В то время как в философии существует философия различия (философия постмодернизма) и философия тождества (философствование классического типа), в языкознании нечто подобное отсутствует. Философии тождества близка теории лингвистических универсалий, а философии различия (из-за постмодернистского отказа от идеи пронизанности мироздания универсальным) – лингвистическая дифференциация, так как тождество связано в основном с универсалиями, а различие с своеобразиями.

В настоящем докладе будет предпринята попытка рассмотреть вопрос (1) насколько русское языкознание уделяет и уделяло внимания различию как теоретической и практической проблеме, (2) какой вклад русских языковедов в теорию различия и (3) насколько русский язык является языком различий.

Полимотивированность как важнейший принцип устройства и функционирования языка

Е. Е. Хазимуллина

Башкирский государственный университет, Уфа

Внешняя, внутренняя мотивированность языка, русское языкознание

Summary. Language and making of speech are motivated by many different extra- and intralinguistic factors. Polymotivation is the important principle of structure and using of language system. This work presents some aspects of the general linguistic theory of motivation, which discovers essence of language phenomenons.

Теория мотивации (в том числе мотивации речемыслительной деятельности человека) в большей степени разработана в психологии, лингвистической же науке еще предстоит целостное описание множества факторов, обуславливающих устройство и функционирование языка, типов мотивированности его единиц, действия мотивационного механизма. Известно, что исчерпывающее познание всех связей такого сложного, динамичного объекта, как языковая система, невозможно, тем не менее создание общей лингвистической теории мотивации необходимо, поскольку оно позволит глубже проникнуть в суть языка, выявить важнейшие закономерности его строения, использования и развития. Решение данной задачи предполагает тщательную систематизацию накопленных отечественными и зарубежными лингвистами сведений о наиболее существенных причинно-следственных, функциональных и других зависимостях, критическую оценку и синтез объяснительных концепций, глубокий анализ всевозможных аспектов (прежде всего семиотического, системно-структурного, когнитивного и функционально-коммуникативного) языка и речевой деятельности.

Сам термин «мотивированность» в лингвистике понимается неоднозначно: 1) как соответствие формы единицы языка действительности, 2) как соответствие действительности ее содержания, 3) как внутреннее соответствие формы ее содержанию, 4) как обусловленность одного знака другим или другими и т. п. Исходя из этих, различных трактовок, ученые по-разному отвечают на вопрос о том, мотивирован или не мотивирован язык, какими факторами, каким образом и в какой степени. С учетом неопределенности данного термина, с одной стороны, а с другой – по причине наличия богатейшего запаса знаний лингвистов о мотивационных связях языка вполне очевидна необходимость выработки наиболее полного определения мотивированности, отвечающего современным научным представлениям.

По результатам исследований, в которых множественные факторы внешней и внутренней мотивации языковых единиц рассматриваются под тем или иным углом зрения (см. работы Ю. Д. Апресяна, Н. Д. Арутюновой, Ю. А. Бельчикова, О. И. Блиновой, А. В. Бондарко, Л. М. Васильева, Е. М. Верещагина, В. В. Виноградова, Г. О. Винокура, В. Г. Гака, Н. Д. Голева, Ю. Д. Дешериева, А. П. Журавлева, В. К. Журавлева, А. А. Залевской, Б. А. Зильберта, Ю. Н. Караулова, С. Д. Качельсона, В. Г. Костомарова, Е. С. Кубряковой, Е. Куриловича, А. А. Леонтьева, А. Р. Лурии, Л. Н. Мурзина, Е. В. Падучевой, Б. А. Серебренникова, В. М. Солнцева, А. Н. Тихонова, Л. В. Щербы и мн. др.), можно назвать целый ряд мотиваторов – явлений, обуславливающих существование, функционирование и развитие языка. К числу внешних мотиваторов относятся структура окружающего мира, законы логики и содержание мышления человека, его фантазия, национально-культурные стереотипы, социальная структура и нормы (в том числе нормы речевого поведения, общения), индивидуальный опыт и субъективные представления говорящего о действительности, его интенции, ценности, установки и социальные характеристики, психологическое состояние, эмоциональный настрой, темперамент, биологические параметры (например, строение речевого аппарата, особенности функционирования мозга, ЦНС) и т. п. Все они не только действуют в каждом конкретном акте общения, в речи (одни из них доминируют, другие проявляются в меньшей степени; они могут взаимодействовать или даже противоборствовать), но и обуславливают различные социальные и индивидуальные варианты

языка. Как известно, язык является сложной, самоорганизующейся (под воздействием перечисленных выше и др. факторов) системой, поскольку в нем самом имеются мотиваторы, структурирующие, стабилизирующие его и обеспечивающие полноценную коммуникацию. Прежде всего это типы фонетических и грамматических форм, семантические, словообразовательные и синтаксические модели, сложившиеся между языковыми единицами формальные, семантические, функциональные и значимостные отношения, потенциальные и устоявшиеся способы реализации мыслительного содержания и др. Различные виды взаимодействия или иногда – противодействия определенного набора внешних и внутренних мотиваторов языковых явлений – это некие «мотивационные схемы», пронизывающие весь язык и составляющие основу мотивационного механизма, управляющего речевой деятельностью человека.

В силу действия множества обуславливающих факторов, часто разнонаправленных, создается иллюзия случайности, бесконтрольности речевых процессов (Ф. де Соссюр считал речь стихийной, бессистемной). Однако, как показывают исследования, даже в области языковых парадоксов и речевых ошибок действуют определенные закономерности, ограничивающие реализацию потенциально возможных вариантов. Явление мотивированности языковых знаков друг другом, системой языка в целом, мышлением человека и действительностью не исчерпывается лишь причинно-следственными отношениями (причина построения предложения *Набежали тучи, пошел дождь* лежит в структуре реальной действительности; абсурдна обратная конструкция: *Пошел дождь, набежали тучи*, – так как здесь нарушается временная последовательность событий; причина англ. выражения *foot of a list* ‘нижняя часть списка’ в некотором сходстве обозначаемых предметов *foot of a mountain* ‘подножие горы’ и *foot* ‘нога, нижняя конечность тела’). К мотивационным следует относить любые связи обусловленности; к примеру, образование новых единиц по узурализованным моделям – процесс, конечно, мотивированный, но наличие в языке образца, модели не является причиной создания новых слов, конструкций, ср.: слово *приземлиться* не является причиной слов *прилуниться* или *примарситься*, возможны также *присатурниться*, *приплутониться* и т. п. Ударение в варианте *каталог* обусловлено акцентологической моделью слова *диалог*, с другой стороны, разговорно-просторечные варианты *катáлог*, *диáлог* мотивированы узурализованной моделью *анáлог* (закон аналогии управляет многими языковыми процессами). Комплексное рассмотрение экстра- и интралингвистических мотиваторов как явлений, обуславливающих речевую деятельность, позволяет выработать более широкое определение мотивированности как относительной синхронно-диахронической (взаимо-)обусловленности формальных, семантических, значимостных и функциональных свойств единиц языка и речи, а также обусловленности этих видов языкового знания объективными и субъективными представлениями человека о действительности. С данной точки зрения, язык представляется более мотивированной, чем произвольной системой, поскольку в любой момент времени практически каждый его знак мотивирован каким-либо типом внешней и / или внутренней обусловленности. Полимотивированность, наряду с системностью, знаковостью, историзмом, антропоцентризмом и др., является важнейшим принципом устройства и функционирования языка, и именно в силу множественной обусловленности, мотивированности язык способен обеспечивать коммуникацию.

Ассоциативное поле и фрейм как когнитивные структуры языкового сознания

Н. Л. Чулкина

Российский университет дружбы народов, Москва

Ассоциативное поле, когнитивные структуры, языковое сознание, фрейм

Summary. In the report are examined the specific cognitive structures of lingual consciousness – *associative field* and *frame*. The procedure of the construction of frame from the associative field is demonstrated in the concrete example. Idea about the named cognitive structures as the units of lingual ability is emphasized.

Ассоциативные методики реконструкции языкового сознания позволяют исследователю искать и находить ответы на различные вопросы об устройстве языковой способности. В частности, важной представляется проблема структурирования вербальной информации носителем языка. Эта проблема довольно широко обсуждается в рамках когнитивной лингвистики и психолингвистики. В докладе делается попытка предложить рассмотрение ассоциативного поля и фрейма как специфических когнитивных структур обыденного языкового сознания, участвующих в формировании наивной языковой картины мира. В то же время названные структуры являются единицами языковой способности, и их реконструкция из ассоциативных полей может стать базой для формирования вторичной языковой способности, т. е. использоваться в лингводидактике.

Ассоциативные поля не даны исследователю непосредственно, а выстраиваются в ходе специально организованных экспериментов с носителями языка, т. е. возникают, «открываются» в результате «диалога» экспериментатора с испытуемыми. Ранжированные по частотности реакции-ассоциаты на определенное слово-стимул и образуют *ассоциативное поле*. Данное, на первый взгляд хаотичное множество слов и словосочетаний, характеризуется, однако, некоторыми вероятностными закономерностями, которые показывают, что оно обладает вполне определенной структурой и неизменным ядром. Ассоциативные поля изучаются с разных точек зрения. Больше всего внимания было уделено так называемым синтагматическим реакциям и их описанию. Таким образом были изучены и описаны наиболее частотные словосочетания («модели двух слов»), а также минимальные единицы речи (короткие предложения и микро-тексты). В сумме эти исследования позволяют составить представление о лексико-грамматических закономерностях и охватывают три типа структур ассоциативного поля – лексическую, синтаксическую и морфологическую, причем две последних формируют так называемую «ассоциативную грамматику» (Ю. Н. Караулов).

Однако особый интерес в плане устройства языковой способности представляют когнитивные структуры ассоциативного поля, которые отражают видение мира, реальности через язык его носителем. Они воссоздают фрагменты наивной картины мира. В качестве таких когнитивных структур обычно называют схемы, сценарии, гештальты, фреймы.

Мы остановимся на последней из названных когнитивных структур – фрейме. Некоторые исследователи (Ю. Н. Караулов, В. В. Красных) уже отмечали, что фрейм-структуры отражают стереотипы сознания и поэтому за ними «стоят только ассоциации предсказуемые» (В. В. Красных). Таким образом, задача, которую необходимо решить при построении фрейма из ассоциативного поля (или нескольких ассоциативных полей) – выбрать из всего массива ассоциатов именно те реакции, которые можно считать предсказуемыми. Следует подчеркнуть, что выполнение этой задачи – дело не такое уж простое. Ведь в число предсказуемых, часто попадают не только наиболее частотные ассоциаты, но и те, частотность которых отмечена цифрой 1. Однако интуиция исследователя-носителя языка говорит о том, что и эти реакции должны быть «встроены» в реконструируемую фрейм-структуру. Чтобы наши рассуждения не выглядели абстрактно, обратимся к конкретному примеру.

Из ассоциативного поля слова-стимула **гость** попытаемся выстроить фрейм типичной для носителя русского языка и русской культуры ситуации.

Слово-стимул **ГОСТЬ** связано в вербальной памяти русских с такими лексическими единицами:

<i>гостиная комната</i>	<i>чай</i>
<i>стол</i>	<i>беседа</i>
<i>накрыть на стол</i>	<i>уборка</i>
<i>накормить</i>	<i>хлопоты</i>
<i>торжество</i>	<i>незваный</i>
<i>подарки</i>	<i>хуже татарина</i>

Как видим, это не аморфный список ассоциатов. В сумме они представляют собой сжатый до ключевых слов текст, который без труда восстановит любой носитель русского языка. В то же время в каждой паре заключены некоторые «рецепты» поведения и поведенческих стереотипов, связанных с приемом гостя в русском доме. Так, словосочетание *гостиная комната* с прилагательным, образованным от самого стимула **гость**, «подсказывает», что для приема гостей отводится специальная комната, где должно быть прибрано (*уборка*) и обычно стоит *стол*. К приходу гостей этот стол, как правило, бывает *накрыт*. Ведь основное проявление русского гостеприимства заключается в том, чтобы *накормить* пришедшего в дом и напоить *чаем*. Иногда гость получает от хозяина еще и *подарки*. Застолье обычно сопровождается *беседой*. Конечно, приход гостя – это *хлопоты* для хозяев. А иногда (если он не предупредил о своем появлении заранее) на ум приходит известная русская поговорка – *Незваный гость хуже татарина*, которую можно принять к сведению, собираясь «осчастливить» кого-то из друзей или знакомых.

Приведенный комментарий представляет собой «разворачивание» ключевых слов-слотов фрейма «Гость / гости» до микротекста. В ассоциативном поле соответствующего слова-стимула частотность этих ключевых слов различна. Так, самым частотным ассоциатом является слово *незваный* (76). Далее по убывающей расположены слово *татарин* (9) и *хуже татарина* (5), в совокупности составляющие известную поговорку «Незваный гость хуже татарина». Другие же ассоциаты, включенные нами во фрейм, имеют частотность 3, 2 и даже 1 (*гостиная комната*, *накормить*, *накрыть на стол*, *торжество*, *уборка*). Однако совершенно очевидно, что без этих слов ситуация приема гостя / гостей не может быть описана сколько-нибудь полно. Таким образом, не только ядро ассоциативного поля (наиболее частотные ассоциаты), но и его периферия могут быть «строительным материалом» для фрейма. Вообще вопрос о включении тех или иных единиц во фрейм все же остается открытым и связан с интуицией исследователя, что делает результат не всегда убедительным и уязвимым. Создание более «точной» методики, вероятно, возможно при включении в процедуру построения фрейма «обратной связи», т. е. операции создания микротекста (текста), полноценно описывающего структурированную с помощью фрейма ситуацию. Таким способом уточняется структура фрейма и состав включаемых в него единиц, а также проверяется гипотеза о том, что фрейм представляет собой единицу языковой способности. В настоящее время автор проводит такие эксперименты как с носителями русского языка, так и с инолингвами. Практический выход автор видит в составлении «Словаря фреймов типичных ситуаций русской повседневности».